ДБ
125
К·56

Ковалевский М.
„Смутное время триста лет назад"
М. 1911 г.

Д 123
.56
Д5
123
К51

Московское
Общество Грамотности.

М. КОВАЛЕНСКАГО.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ

1611—1911.

ЦѢНА 12 КОП.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., собственный домъ.
1911.

2Б
125
К56

Московское Общество Грамотности.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ

1611—1911.

М. КОВАЛЕНСКАГО.

234

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстн. бул., ссб. д.
1911.

Гос. Историч.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 468695
198 г.

Смутное время.

(Триста лѣтъ назадъ).

1. Царь Иванъ IV.

Первымъ русскимъ царемъ былъ Иванъ Васильевичъ IV. До него русскіе государи назывались князьями и великими князьями. Иванъ IV первый принялъ новый титулъ, новое названіе царя.

Первому русскому царю пришлось много воевать, воевать со всѣми сосѣдями. Съ нѣмцами, шведами и поляками онъ воевалъ 24 года подъ рядъ, и не только ничего не выигралъ, но даже потерялъ старые русскіе города. За то у татаръ онъ завоевалъ Казань и Астрахань, на Волгѣ. На югѣ, за Окой, постоянно надо было защищать страну отъ крымскихъ татаръ. Они дѣлали на русскую землю набѣги каждый годъ, а не рѣдко—по два раза въ годъ, и уводили сотни тысячъ плѣнныхъ. Для обороны русскихъ земель отъ татаръ, надо было строить на границѣ крѣпости, посылать войска.

Царь Иванъ велъ также другую борьбу, внутри своего царства—съ боярами. Это были прежніе вольные слуги государя, желавшіе сохранить свою вольность, свои права. Среди нихъ было много князей,—потомковъ старыхъ князей удѣльныхъ. Трудно было подчинить ихъ царской власти.

Для всей этой борьбы, съ внѣшними врагами и съ боярами, царю нужно было войско. Царь Иванъ все свое царствованіе устраивалъ войско, набиралъ лю-

дей на службу, надѣлялъ ихъ землей, чтобы они могли служить. Казна не давала имъ ни денежнаго жалованья, ни оружія, ни припасовъ, такъ какъ въ казнѣ было мало денегъ. Все это военнымъ людямъ надо было имѣть свое. Поэтому и надо было давать имъ земли. Военные люди становились помѣщиками. Ихъ называли также дворянами. Такъ, при царѣ Иванѣ возникало русское дворянство, владѣвшее землей, обязанное военной службой.

Земли дворянамъ царь давалъ изъ своей казны. У царя земель было много: Иванъ IV завоевалъ немало земель. Тѣмъ не менѣе, земель для раздачи не хватало. Царь Иванъ искалъ, гдѣ бы найти новыхъ земель для раздачи служилымъ людямъ. Онъ обращался къ митрополиту, просилъ его уступить служилымъ людямъ земли церковныя, монастырскія и архіерейскія. Монастырямъ и архіереямъ принадлежала цѣлая треть всѣхъ земель въ странѣ. Но митрополитъ отвѣчалъ, что это все земли Божьи, и что объ этомъ грѣшно и подумать. Отнять ихъ у церкви никакъ нельзя.

Тогда царь поступилъ иначе. Много земель было у тѣхъ бояръ, съ которыми царь какъ разъ велъ борьбу. Царь велѣлъ отнять у нихъ ихъ земли, и отдать служилымъ людямъ, дворянамъ. Такъ и было сдѣлано. Дворяне сами и отбирали у бояръ ихъ земли. Такъ одновременно царь усмирялъ своихъ бояръ и надѣлялъ землей своихъ дворянъ.

Дворяне, служившіе царю для этой борьбы и получавшіе за то боярскія земли, назывались опричниками. Опричники жестоко вели эту борьбу. Царь казнилъ смертью всѣхъ, на кого доносили ему опричники. Было казнено множество бояръ. Противъ жестокихъ казней поднималъ голосъ святой митрополитъ Филиппъ. Но его за это сослали въ монастырь, и задушили его тамъ подушкой. Отъ царскаго гнѣва погибъ даже сынъ царя, царевичъ Иванъ. Царь убилъ его желѣзнымъ посохомъ.

Таковы были времена царя Ивана. Царь Иванъ получилъ за казни названіе Грознаго царя. Бояре вздохнули спокойно, только когда онъ умеръ. Но дворяне-опричники хвалили своего царя за то, что онъ „воиновъ любилъ, все нужное имъ давалъ и сердца имъ веселилъ".

2. Царь Ѳедоръ.

Послѣ царя Ивана, царемъ сдѣлался его сынъ Ѳедоръ. Это былъ очень благочестивый царь. Онъ все время день и ночь, проводилъ въ постничествѣ, молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ. Онъ ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ, но совсѣмъ не занимался дѣлами государства. Русскіе люди называли его святымъ царемъ. Войнъ при немъ почти не было.

Всѣми дѣлами государства правилъ при немъ шуринъ его, Борисъ Годуновъ. При Грозномъ онъ былъ опричникомъ, а теперь сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ. Царь назначилъ его своимъ бояриномъ и конюшимъ, воеводой, намѣстникомъ казанскимъ и астраханскимъ, правителемъ государства. Иноземные государи писали ему грамоты. А иноземные послы называли его самого „величествомъ". Такъ возвысился бывшій опричникъ царя Ивана.

Для бояръ это были опять тяжелыя времена. Правда, не было такихъ казней, какъ при Грозномъ царѣ. Но правитель Борисъ старался также унизить, ослабить бояръ. Особенно пострадали отъ него князья Шуйскіе. Борисъ разослалъ ихъ по монастырямъ, и двоихъ изъ нихъ велѣлъ удавить. Зато могли быть довольны служилые люди, дворяне.

Дворянамъ, кромѣ земли, нужны были еще крестьяне. Крестьяне жили на помѣщичьей землѣ и приносили помѣщику съ этой земли оброки,—хлѣбомъ, скотомъ, холстомъ, птицей, яйцами и т. п. Этими оброками жилъ и помѣщикъ со всей семьей. На эти оброки онъ и снаряжался на войну.

Помѣщики старались не выпустить отъ себя крестьянъ, чтобы не уменьшились ихъ оброки. Разными путями они старались прикрѣпить къ себѣ крестьянъ. Крестьяне убѣгали отъ помѣщиковъ, уходили на югъ, за Оку, на Волгу, гдѣ было много земель, свободныхъ и пустыхъ. При царѣ Иванѣ отъ такихъ побѣговъ совсѣмъ запустѣли многіе уѣзды. Помѣщики говорили, что имъ теперь служить нельзя. Они разыскивали своихъ бѣглыхъ крестьянъ, ловили ихъ, возвращали къ себѣ обратно.

При царѣ Ѳедорѣ правитель Годуновъ обратилъ на это свое вниманіе. Онъ велѣлъ произвести перепись. О каждомъ крестьянинѣ въ книгахъ было записано, на чьей землѣ онъ живетъ. Крестьяне, ушедшіе со своихъ мѣстъ, считались бѣглыми, и помѣщики могли ихъ искать и ловить въ теченіе пяти лѣтъ со времени побѣга. Такъ начиналось крѣпостное право.

Кромѣ крестьянъ, у помѣщиковъ были еще холопы. Это были рабы, купленные на деньги. Они принадлежали своимъ господамъ на вѣчныя времена и со всѣмъ потомствомъ. Господа могли дѣлать съ ними, что хотѣли. Холопы продавались на рынкѣ, какъ всякій другой товаръ. Отцы завѣщали ихъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, давали ихъ за своими дочерьми въ приданое, мѣнялись холопами, выигрывали ихъ и проигрывали въ кости. Если господинъ случайно убивалъ своего холопа, судьи его не трогали. Эти холопы работали на господской пашнѣ, работали и на господскомъ дворѣ, были въ поварахъ, въ настухахъ, въ конюхахъ и т. п. Господамъ было важно побольше имѣть холоповъ. Много вольныхъ людей обращали они въ рабовъ. Число холоповъ росло.

Такіе же крестьяне и холопы были и у другихъ помѣщиковъ, у бояръ, монастырей, архіереевъ. Всѣ владѣльцы большихъ земель старались пріобрѣсти побольше крестьянъ и холоповъ. Но правитель Годуновъ, какъ и царь Иванъ, особенно старался о

нуждахъ служилаго сословія, дворянства. Это сословіе было нужно государству, для его военной защиты отъ враговъ, для обороны.

3. Убіеніе царевича Дмитрія.

У царя Ѳедора не было дѣтей. Послѣ него долженъ былъ царствовать его братъ, сынъ Ивана Грознаго, царевичъ Дмитрій. Дмитрій остался послѣ смерти отца младенцемъ,—ему не было года. Отецъ оставилъ ему въ удѣлъ городъ Угличъ. Въ этомъ городѣ и росъ малолѣтній Дмитрій со своей матерью, царицей Марьей и ея родными, Нагими. Въ 1591 г. ему было уже семь лѣтъ.

Въ этомъ году, 15 мая, разнеслась по Угличу вѣсть, что царевичъ умеръ, что его убили. Ударили въ набатъ, бросились къ царскому двору. Тамъ увидѣли кормилицу царевича съ мертвымъ Дмитріемъ на рукахъ; царица Марья колотила полѣномъ мамку царевича, Василису. Прибѣжали братья царицы, Нагіе. Всѣ они кричали, что царевича погубили сынъ Василисы, Осипъ Волоховъ, съ Никитой Качаловымъ и съ Битяговскими. Дьякъ Михайло Битяговскій былъ правитель Углича, Данило Битяговскій былъ его сынъ, а Качаловъ—племянникъ. Нагіе обвиняли въ убійствѣ и мамку царевича Василису. Народъ бросился на всѣхъ этихъ лицъ; Василису схватили и посадили подъ караулъ, а остальныхъ всѣхъ перебили. Осипа Волохова убили въ церкви.

О самомъ убійствѣ Нагіе разсказывали такъ. Мамка Василиса вышла съ царевичемъ изъ хоромъ во дворъ. За ними шла кормилица, говорила мамкѣ, чтобы не ходила во дворъ: во дворѣ ждали уже убійцы. Началъ дѣло Осипъ Волоховъ. Онъ подошелъ къ царевичу, и спросилъ: „Это у тебя, государь, новое ожерельице?“—„Нѣтъ, старое,—отвѣчалъ царевичъ и поднялъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но Дмитрій былъ только раненъ. Онъ упалъ; корми-

лица бросилась на его защиту и закричала; тогда другіе два убійцы, Данило Битяговскій и Качаловъ, избили ее, отняли у нея царевича и зарѣзали. Тутъ изъ хоромъ выбѣжала царица, и начала кричать.

Такъ разсказывали Нагіе. Въ народѣ говорили, что убійцы зарѣзали царевича не сами по себѣ, что ихъ подослалъ къ царевичу правитель Годуновъ: ему важно было устранить царевича, чтобы самому послѣ Ѳедора сдѣлаться царемъ.

Черезъ два дня извѣстіе объ этомъ дошло до Москвы. Царю сказали, что царевичъ самъ зарѣзался, случайно, по небреженію Нагихъ.

Для сыска были присланы въ Угличъ изъ Москвы бояре Клешнинъ и князь Василій Шуйскій съ митрополитомъ и съ дьяками. Они произвели слѣдствіе и нашли, что царевичъ закололся самъ. Нагихъ повезли въ Москву и подвергли пыткѣ. Самъ правитель Годуновъ съ боярами присутствовалъ при томъ, какъ ихъ пытали; разсказывали, что Нагіе и съ пытокъ показали, что царевичъ былъ убитъ. Тогда царицу Марью постригли въ монахини подъ именемъ Марѳы и отправили въ монастырь на Бѣлоозеро. Нагихъ сослали въ разные города и посадили въ тюрьмы. Жители Углича были также наказаны за то, что безъ суда перебили много людей. Однихъ угличанъ казнили смертью, другимъ рѣзали языки, разсылали ихъ по тюрьмамъ; многихъ свели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Угличъ запустѣлъ. Даже колоколъ, въ который били въ тотъ день въ набатъ, наказали: отсѣкли ухо и сослали туда же, въ Сибирь.

Слѣдователи, кончивъ слѣдствіе, заявили царю, что царевичъ погибъ случайно. Въ день своей смерти онъ игралъ съ дѣтьми въ тычку; во время игры съ нимъ приключился припадокъ падучей, и въ припадкѣ онъ упалъ на ножъ. Царь много плакалъ, жалѣлъ царевича, служилъ по немъ панихиды. Патріархъ объявилъ всему народу, какъ погибъ въ Угличѣ царевичъ. Но въ народѣ держался другой разсказъ.

Упорно говорили, что царевича убили люди, подосланные Годуновымъ. Когда черезъ семь лѣтъ умеръ царь Ѳедоръ, стали и въ этой смерти винить Бориса.

4. Избраніе Бориса Годунова.

Царь Ѳедоръ умеръ, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Патріархъ и бояре спрашивали его передъ кончиной: „Кому царство, насъ сиротъ и царицу свою приказываешь?“ Царь отвѣчалъ тихимъ голосомъ: „Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ, какъ ему угодно, такъ и будетъ“. Бояре и патріархъ просили царствовать царицу, сестру Бориса Годунова; Борисъ по прежнему, говорили они, будетъ правителемъ. Но царица уѣхала въ Новодѣвичій монастырь, и постриглась въ монахини. Тогда патріархъ объявилъ, что подобаетъ просить на царство самого правителя Годунова. Многіе изъ бояръ этого не хотѣли. Но за Бориса стояли дворяне. Они поддержали патріарха. Рѣшено было итти въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ у сестры-монахини находился Борисъ.

Нѣсколько разъ ходили въ монастырь просить Бориса. Ходилъ патріархъ съ боярами, ходили и дворяне, и даже съ женами и малыми дѣтьми, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Бориса. Но Борисъ отказывался, говоря, что и не помышляетъ царствовать: „Какъ мнѣ помыслить на такую высоту царства! Намъ теперь только помышлять, какъ бы устроить праведную душу царя Ѳедора!“ Патріархъ отложилъ новыя попытки до сорокового дня.

Тѣмъ временемъ собрались въ Москвѣ духовныя власти, патріархъ, митрополиты, архіереи, настоятели монастырей, собрались бояре — царскіе совѣтники, явились дворяне — полковые командиры, и именитые московскіе купцы, сборщики царскихъ податей. Всѣхъ было 512 человѣкъ. Всего больше было дворянъ; ихъ было больше половины всего числа. Такія собранія собирались и раньше при

Иванѣ Грозномъ. Они назывались земскими соборами. Съ ними царь Иванъ совѣтовался о войнахъ и о дѣлахъ правленія. Теперь земскому собору надо было избрать новаго царя.

Тѣ, кто стоялъ за Бориса, старались расположить соборъ въ его пользу. Еще до открытія собора, они бѣгали по Москвѣ, ѣздили и въ иные города и склоняли народъ къ тому, чтобы „на государство всѣмъ міромъ просить Бориса“. Особенно хлопотала объ этомъ сестра Бориса, царица-инокиня. Она призывала къ себѣ разныхъ людей, давала имъ деньги, сулила всякія награды, чтобы они постарались объ избраніи Бориса. Монахи всюду говорили за Бориса. Но у Бориса были и враги. Бояре не хотѣли видѣть его царемъ. Они стояли за другое лицо, старались объ избраніи боярина Ѳедора Никитича Романова, племянника первой жены царя Ивана, царицы Анастасіи. Но большая часть собора стояла за Бориса. Патріархъ объявилъ, что у него съ московскими людьми „мысль и совѣтъ у всѣхъ единодушно, что молить государя Бориса Ѳедоровича, и иного государя не хотѣть и не искать“. Земскій соборъ отвѣчалъ патріарху: „Нашъ совѣтъ и мнѣніе одинаковы съ твоими“. Царемъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ.

Послѣ этого снарядили къ Борису въ Новодѣвичій монастырь посольство. Самъ патріархъ пошелъ съ соборными чинами. Но Борисъ не хотѣлъ сразу соглашаться. Онъ опять отказался принимать царское избраніе. Тогда въ монастырь пошли крестнымъ ходомъ, взяли съ собой чудотворную икону Богоматери. Патріархъ заранѣе объявилъ, что если теперь Борисъ откажетъ, то будетъ отлученъ отъ церкви, въ церквахъ всякія службы прекратятся.

Съ иконами и крестами двинулся крестный ходъ къ монастырю. За посольствомъ отъ собора шли цѣлыя толпы народа, шли съ женами и съ грудными младенцами, просить Бориса принять царство. Придя въ монастырь, патріархъ говорилъ Борису: „Вотъ

сама Пречистая изволила придти къ тебѣ; устыдись пришествія Ея", — и грозилъ ему анаѳемой. Князь Шуйскій, видя упорство Бориса, началъ уже говорить, что непристойно дольше просить его, и что надо выбирать иного. Тогда, наконецъ, Борисъ согласился.

Противники Бориса разсказывали потомъ, что все это было подстроено его сторонниками. Народъ былъ неволей пригнанъ къ монастырю приставами; кто не хотѣлъ итти, тѣхъ велѣно было бить и штрафъ съ нихъ брать, по два рубля съ человѣка. „Пристава" понуждали людей, чтобы съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! Вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили".

Такъ былъ избранъ на царство бывшій опричникъ царя Ивана, Борисъ Годуновъ. Это было первое избраніе царя на Руси.

5. Царь Борисъ.

Семь лѣтъ царствовалъ въ Москвѣ царь Борисъ. Онъ такъ же, какъ и Грозный царь, заботился объ устройствѣ войска, о нуждахъ служилаго сословія. Простые дворяне, не боярскаго и не княжескаго рода, возвышались при немъ своею службой. Людей родовитыхъ, князей, бояръ, онъ, напротивъ, всячески старался унизить и ослабить.

Тяжело было при немъ боярамъ. Борисъ боялся, чтобы они его не свергли, не отняли у него царской власти. Всего больше пострадали бояре Романовы. Одинъ изъ ихъ холоповъ донесъ царю, будто они хотятъ извести царя кореньями, отравнымъ зельемъ; у одного изъ нихъ нашли мѣшокъ съ кореньями. Этотъ мѣшокъ, какъ послѣ оказалось, былъ имъ подброшенъ самимъ доносчикомъ. Тѣмъ не менѣе, Романовыхъ обвинили и разослали по разнымъ городамъ, вмѣстѣ со всѣми ихъ родственниками и друзьями. Старшаго брата, Ѳедора Никитича, постригли въ монахи подъ именемъ Филарета.

Доносили и на другихъ бояръ. Доносчики множились; они ждали награды. Доносили холопы, попы, чернецы, просвирни, бояре и князья. Бояре шли съ доносомъ къ царю, а боярыни къ царицѣ. По доносамъ бояръ пытали, а потомъ ссылали.

Во время царскаго вѣнчанія, Борисъ сказалъ въ церкви патріарху: „Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ или бѣдныхъ“,—и взявшись рукой за воротъ рубашки, прибавилъ: „И эту послѣднюю раздѣлю со всѣми“. Но Борису трудно было исполнить это обѣщаніе. Нищихъ и бѣдныхъ было при немъ больше, чѣмъ когда либо.

Три года подъ рядъ былъ неурожай, и начался страшный голодъ. Цѣны на хлѣбъ страшно поднялись. Царь велѣлъ открыть свои житницы и продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ. Неимущимъ велѣно было давать отъ царя милостыню. Каждый день приходилось раздавать денегъ на 2000 рублей: столько было неимущихъ. При этихъ раздачахъ было много злоупотребленій. Чиновники, приставленные къ этому дѣлу, очень наживались. Дьяки сами одѣвались въ лохмотья и подъ видомъ нищихъ приходили за царской милостыней. Настоящихъ нищихъ прогоняли палками. Цѣлый мѣсяцъ длилась такая раздача. Народъ толпами стекался со всѣхъ сторонъ въ Москву.

Чтобы дать голодному люду, собравшемуся въ Москвѣ, заработокъ, царь Борисъ затѣялъ новую постройку: началъ строить большую колокольню. Это колокольня—Иванъ Великій.

Въ то же время купцы и помѣщики, у которыхъ были большіе запасы хлѣба, продавали его только по двойной и тройной цѣнѣ.

Господа, чтобы не кормить дорогимъ хлѣбомъ своихъ холоповъ, выгоняли ихъ вонъ, но отпускной имъ не давали, чтобы потомъ снова вернуть ихъ къ себѣ.

Голодъ усиливался. Бѣдняки ѣли, что попало: сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, ѣли падаль и нечистоты. Множество народу умирало прямо на улицахъ,

другіе падали отъ изнеможенія. Особая стража ѣздила по улицамъ и дорогамъ, забирала всѣхъ—живыхъ и умершихъ—въ сани, и сваливала въ большія ямы. Люди питались даже человѣческимъ мясомъ. Путники съѣдали трупы прохожихъ, найденные на дорогѣ. Потомъ волки съѣдали самихъ этихъ путниковъ. Иногда мужъ загрызалъ и съѣдалъ свою жену, иногда жена съѣдала своего мужа. Вареная человѣчина въ пирогахъ продавалась на московскихъ рынкахъ. Въ одной Москвѣ погибло отъ голодной смерти больше ста тысячъ человѣкъ.

6. Южная Украйна.

Не легко было справиться со всѣмъ этимъ царю Борису. Враговъ у него было много. Къ тому же, голодъ разорилъ и опустошилъ страну. Новыя бѣды ему грозили. Плохія вѣсти приходили въ Москву съ юга. Тамъ, на степной границѣ, за Окой, было неспокойно.

Эта южная украина русской земли жила своей, особой жизнью. Здѣсь сходились всѣ татарскіе шляхи,—дороги, по которымъ обыкновенно шли на Москву татары. Вдоль границы въ нѣсколько рядовъ тянулись русскія укрѣпленія,—земляные валы съ частоколомъ, съ башнями, сторожами и часовыми. Въ лѣсной заросли были сдѣланы засѣки,—вырубленъ и наваленъ грудой лѣсъ. Длинной цѣпью тянулись крѣпости, съ деревянными и каменными стѣнами. На дубахъ сидѣли особые сторожа и смотрѣли въ степь, не видать ли пыли, не слыхать ли стука конскихъ копытъ. Въ этихъ крѣпостяхъ были разставлены полки мелкихъ служилыхъ людей. Это была не конница, а пѣхота: стрѣльцы, вооруженные ружьями, и пушкари съ пушками. Эти мелкіе служилые люди не были похожи на служилыхъ дворянъ-помѣщиковъ: имъ давали за службу небольшое денежное жалованье, давали небольшіе участки земли для паш-

ни, но помѣстій не давали. На этихъ мелкихъ участкахъ они и пахать должны были сами. Мало того: они ходили еще на казенную барщину, пахали казенную землю и хлѣбъ складывали въ царскія житницы, для казенной надобности. Это были скорѣе мужики, чѣмъ помѣщики.

Дальше въ степь, на Донъ уходили всевозможные бѣглые, крестьяне, холопы и другіе. Тамъ они селились на свободѣ, заводили свое хозяйство; но имъ грозила постоянная опасность отъ татаръ.

Бѣглые должны были сами подумать о своей защитѣ, объ оборонѣ. Противъ татарской конницы надо было заводить тоже конницу. И поселенцы добывали себѣ оружіе и коней и устраивали свое войско, свои полки. Во главѣ этихъ полковъ стояли выборные вожди, атаманы. Ихъ выбирали на сходкахъ. Эти вольные люди получили названіе казаковъ. Донскіе казаки не только отбивали нападенія татаръ, но и сами дѣлали на нихъ набѣги. Татарскій ханъ жаловался московскому царю, что казаки не даютъ ему покоя. Но въ Москвѣ ему отвѣчали, что казаки—бѣглые воры, и московскаго царя не слушаютъ. Казаки были полезны для всей Россіи: они загораживали русскую землю отъ татаръ, и татарамъ труднѣе было пробраться къ Москвѣ. За это московскій царь нерѣдко награждалъ казаковъ, посылалъ имъ порохъ, пушки, съѣстные припасы, денежное жалованье. Казаковъ нанимали и для царской службы и поручали имъ защищать крѣпости на степной границѣ, вмѣстѣ со стрѣльцами.

Такимъ образомъ, на югѣ государства, на степной границѣ, скопилось много народа, недовольнаго своей судьбой. Тутъ были мелкіе служилые люди, тяготившіеся своей службой; казаки, вольные и наемные; бѣглые крестьяне и холопы. Число бѣглыхъ все росло. Послѣ Ивана Грознаго, бѣглые шли сюда цѣлыми толпами. Сюда же шли толпы холоповъ, выгнанныхъ во время голода господами. Всѣми этими

людьми наполнялась южная Украйна. Ихъ было здѣсь больше 20 тысячъ человѣкъ. Современники называли ихъ ворами.

На южной границѣ было поэтому неспокойно. Можно было ждать мятежа. Не было только вождя, чтобы начать мятежъ. Въ 1604 г. такой вождь явился. Это былъ самозванецъ, назвавшійся Дмитріемъ Царевичемъ.

7. Появленіе самозванца.

Самозванецъ объявился сначала за польскимъ рубежомъ. Около 1600 года, въ Кіевѣ, принадлежавшемъ тогда полякамъ, появился молодой монахъ, вышедшій изъ Москвы. Онъ поступилъ во дворъ къ князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, потомъ поступилъ къ другому богатому вельможѣ на Волыни, учился тамъ въ польской школѣ, наконецъ, перешелъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому. Этому вельможѣ онъ однажды открылся, что онъ не простой человѣкъ, а спасшійся отъ убійцъ московскій царевичъ, сынъ Грознаго, Дмитрій. Въ Угличѣ,—разсказывалъ онъ,—былъ убитъ другой младенецъ, а его спасли. Самозванецъ заявилъ, что хочетъ отобрать у царя Бориса престолъ своего отца и дѣда, и просилъ помочь ему въ этомъ. Кто такой былъ на самомъ дѣлѣ этотъ самозванецъ, неизвѣстно.

Вишневецкій повѣрилъ разсказу. Къ тому же разные русскіе люди, случившіеся тутъ, показали, что это, точно, царевичъ Дмитрій: у него на лѣвомъ плечѣ такое же родимое пятно, на щекѣ такая же бородавка, и одна рука такъ же короче другой. Вишневецкій рѣшилъ помочь царевичу. Онъ посадилъ его въ богатую карету, запряженную шестеркой лошадей, и повезъ съ собой къ другому польскому вельможѣ и воеводѣ, пану Юрію Мнишку, въ Самборъ.

Въ пышномъ Самборскомъ замкѣ, съ высокими башнями и золочеными маковками, гостей встрѣтили

съ распростертыми объятіями. Всѣ хотѣли видѣть московскаго царевича. Панъ Мнишекъ устроилъ для такого гостя богатые пиры и празднества. За столомъ въ честь царевича красовались двуглавые орлы изъ сахара, сахарный же московскій кремль, и самъ будущій царь Дмитрій—на тронѣ и въ шапкѣ Мономаха, тоже изъ сахара. Дмитрій разсказывалъ за столомъ о козняхъ своего врага, Бориса Годунова; поляки обѣщали ему свою подмогу. Потомъ царевича развлекали танцами, охотой. Хозяйская дочь, панна Марина Мнишекъ, плѣнила сердце юнаго царевича. Онъ влюбился въ красавицу Марину.

Изъ Самбора царевича повезли въ польскую столицу Краковъ, къ королю. Съ большимъ торжествомъ принялъ его король. Онъ встрѣтилъ царевича со шляпой на головѣ, но стоя; царевичъ былъ съ открытой головой и поцѣловалъ у короля руку. Онъ сказалъ королю рѣчь, просилъ у него небольшое войско, чтобы войти съ нимъ въ московскіе предѣлы. Король призналъ его московскимъ княземъ, назначилъ ему жалованье 40 тысячъ золотыхъ въ годъ и позволилъ своимъ полякамъ помогать ему въ войнѣ съ Борисомъ.

На сторону самозванца стало и польское духовенство римской вѣры. Польскимъ монахамъ удалось обратить царевича въ свою вѣру. Онъ даже обѣщалъ имъ,—когда сдѣлается царемъ въ Москвѣ,—крестить въ римскую вѣру весь русскій народъ. Поэтому римскій папа прислалъ ему свое милостивое письмо, благословилъ его на борьбу съ Борисомъ; вмѣстѣ съ нимъ въ Москву должны были ѣхать польскіе ксендзы.

Изъ Кракова самозванца отвезли снова въ Самборъ. Здѣсь онъ посватался къ паннѣ Маринѣ. Марина отвѣтила ему согласіемъ, но только въ случаѣ, если онъ завоюетъ тронъ: „Побѣдите своихъ враговъ,—сказала она ему,—тогда подумаете, какъ побѣдить мое сердце. Только славными подвигами и побѣдами вы меня завоюете“. Отецъ ея, панъ Мнишекъ, узналъ

о сватовствѣ, былъ чрезвычайно радъ, что породнится съ будущимъ царемъ московскимъ. Свадьба была отложена до того времени, когда Дмитрій сдѣлается царемъ.

Мнишекъ спѣшилъ набирать для царевича войско. Онъ набралъ для него 3 тысячи поляковъ. Сверхъ того, пришло къ Дмитрію двѣ тысячи казаковъ. Съ этимъ войскомъ самозванецъ рѣшился вступить въ московскіе предѣлы. Лучшую часть его войска составляли поляки: они были лучше вооружены и обучены. Но за эту польскую подмогу царевичъ долженъ былъ обѣщать полякамъ, что уступитъ имъ Смоленскъ и другія сосѣднія съ Польшей земли, а Маринѣ Мнишекъ отдастъ Псковъ и Новгородъ. Самому Мнишку Дмитрій обѣщалъ подарить сто тысячъ золотыхъ.

8. Грамоты Бориса и Лжедмитрія.

Слухи о томъ, что за польскимъ рубежомъ появился спасшійся царевичъ Дмитрій, скоро дошли и до Москвы. Говорили, что царевичъ идетъ уже къ Москвѣ съ войскомъ, хочетъ отобрать престолъ у похитителя его, Бориса Годунова. Царь Борисъ велѣлъ объявить всѣмъ, что царевичъ погибъ въ Угличѣ, а тотъ, кто теперь называетъ себя этимъ именемъ, не царевичъ, а самозванецъ; это—бѣглый московскій монахъ, изъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ. Патріархъ разослалъ по всей странѣ свою грамоту, въ которой говорилъ, что этого разстригу Гришку поднимаетъ на русскую землю польскій король, врагъ и поругатель православной церкви. Онъ хочетъ и въ Россійскомъ государствѣ православныя церкви разорить, и построить церкви латинскія. Для того-то онъ и назвалъ Гришку русскимъ царевичемъ Дмитріемъ. За все это патріархъ проклялъ Гришку и всѣхъ, кто [illegible] послѣдуютъ, велѣлъ на нихъ всѣхъ [illegible] анаѳему.

№ 468695

Самозванецъ тоже писалъ грамоты, разсылалъ ихъ по русской землѣ. Въ этихъ грамотахъ онъ писалъ московскимъ людямъ: „Милосердый Богъ спасъ меня отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго предать меня злой смерти. Онъ укрылъ меня невидимою своей рукой и много лѣтъ хранилъ меня. И я теперь иду, съ Божіей помощью, на московское государство. Вспомните ваше крестное цѣлованіе, отложитесь отъ измѣнника Бориса Годунова и впередъ уже служите мнѣ, прирожденному вашему государю. А я стану васъ жаловать и буду васъ въ чести держать, ибо я хочу учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденственномъ житіи“.

Такъ писалъ московскимъ людямъ самозванецъ. Царь Борисъ не велѣлъ пропускать въ свое царство этихъ грамотъ. На заставахъ велѣно было зорко слѣдить, чтобы никто не пронесъ и не провезъ ихъ. Но грамоты все-таки провозились. Ихъ клали въ мѣшки съ хлѣбомъ и такъ провозили.

Самому царю Борису самозванецъ писалъ: „Мы, Дмитрій Ивановичъ, Божіей милостью царевичъ всея Руси, наслѣдственный государь великаго царства Московскаго, похитителю нашей власти Борису Годунову предлагаемъ нашу милость. Намъ, природному государю твоему, жаль тебя, подданнаго своего; жаль намъ глупаго разума твоего. Будучи нашимъ подданнымъ, ты укралъ наше достояніе. Ты точилъ ножъ на насъ и подговорилъ людей, чтобы умертвили насъ. Потомъ ты посягнулъ на жизнь брата нашего, царя Ѳедора, и плакалъ, невинная овечка съ волчьимъ сердцемъ. Опомнись, не приводи насъ къ большему гнѣву, не доводи себя до гибели. Возврати намъ наше, а мы простимъ, для Бога, всѣ вины твои и назначимъ тебѣ спокойное мѣсто для покаянія“.

9. Походъ Лжедмитрія.

Въ августѣ 1604 г. самозванецъ вступилъ въ московскую землю. Со своимъ польскимъ и казацкимъ войскомъ, онъ прошелъ черезъ Кіевъ, и вошелъ въ южную Украйну. Здѣсь все было готово къ его приходу. Города сами открывали ему ворота. Населеніе выходило къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и желало многихъ лѣтъ царю Дмитрію Ивановичу. Стрѣльцы связывали воеводъ и отворяли ворота Лжедмитрію. Жители селъ и деревень встрѣчали его съ иконами, какъ истиннаго царя. Съ Дону шли къ нему на службу новыя сотни казаковъ. Войско его росло: теперь уже у него было 15 тысячъ.

Съ этими силами онъ подошелъ къ стѣнамъ Новгорода Сѣверскаго, въ Черниговской губерніи. Здѣсь засѣлъ царскій воевода Басмановъ. Этотъ городъ первый не хотѣлъ пускать къ себѣ Лжедмитрія. Самозванецъ пытался взять его приступомъ, палилъ по его стѣнамъ изъ пушекъ, пробовалъ поджечь бревенчатыя его стѣны, но все было неудачно: у Басманова пушки были лучше. Но Лжедмитрій не хотѣлъ уйти, не взявъ города.

На выручку Басманову подходили новыя царскія войска. Царь Борисъ собралъ 50 тысячъ человѣкъ, и послалъ ихъ на самозванца, съ воеводой княземъ Мстиславскимъ. Въ царскомъ войскѣ было втрое больше людей, чѣмъ у самозванца. Тѣмъ не менѣе, царскій воевода былъ разбитъ и долженъ былъ со всѣмъ войскомъ отступить на 14 верстъ. Очевидцы говорили, что царскіе полки сражались плохо: у нихъ совсѣмъ не было рукъ для сѣчи, не поднимались руки воевать съ царевичемъ. Но Басмановъ попрежнему не сдавался.

Болыше мѣсяца стоялъ Лжедмитрій подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Поляки, бывшіе въ войскѣ самозванца, стали жаловаться, что походъ затягивается и требовали себѣ жалованья. У Лжедмитрія не было

столько денегъ, чтобы раздать имъ. Онъ обѣщалъ наградить ихъ щедро, какъ только возьметъ Москву. Но Поляки ничего не хотѣли слушать. Они требовали денегъ, кричали на самозванца, оскорбляли его всячески, стащили съ его плечъ даже соболью шубу. Лжедмитрій убѣждалъ ихъ не покидать его, не уходить обратно въ Польшу. Онъ бросился на землю и лежалъ передъ ними крестомъ, умоляя ихъ не уходить. Но все было тщетно. Поляки ушли. Ушелъ даже и Юрій Мнишекъ. Съ Лжедмитріемъ осталось всего полторы тысячи польскихъ воиновъ. Онъ не надѣялся взять городъ съ такими малыми силами и снялъ осаду.

Послѣ этого для самозванца начались неудачи. При деревнѣ Добрыничахъ его войско было разбито царскими полками. Самъ Лжедмитрій едва не попался въ плѣнъ. Самозванецъ отступилъ на сто верстъ къ югу, въ каменную крѣпость Путивль. Отсюда ушли въ Польшу отъ Лжедмитрія чуть не всѣ остальные поляки. Полки Бориса, разбивъ самозванца, остались на южной Украйнѣ и казнили мятежниковъ, стоявшихъ за Лжедмитрія.

Скоро, однако, дѣла Лжедмитрія опять поправились. Ему безъ боя сдавались новые города: Воронежъ, Орелъ и др. Къ нему приходили новые казацкіе отряды. Казацкій атаманъ Корела съ 4 тысячнымъ войскомъ захватилъ городъ Кромы и засѣлъ въ немъ. Царскіе воеводы стали подъ Кромами. У нихъ было громадное войско, тысячъ въ 80. Городскія стѣны Кромъ были уже уничтожены огнемъ. Оставался только валъ. За этимъ валомъ сидѣло 4 тысячи казаковъ и другихъ людей. Но казаки крѣпко засѣли въ Кромахъ и не сдавались. Они нарыли себѣ земляныхъ норъ и прятались въ нихъ отъ выстрѣловъ. Много разъ они выскакивали изъ норъ и били людей Бориса. Тѣ никакъ не могли ихъ взять.

Въ это время неожиданно умеръ въ Москвѣ царь Борисъ. Царемъ сдѣлался его сынъ Ѳедоръ Борисо-

вичъ. Надо было приводить народъ къ присягѣ новому царю. Къ войскамъ подъ Кромы былъ для этого посланъ воевода Басмановъ. Въ войскахъ многіе не хотѣли присягать сыну Годунова и скорѣе хотѣли служить Дмитрію. Воеводы боялись, что войско имъ измѣнитъ, и сами признали царемъ Дмитрія.

Подъ Кромами все войско царское перешло на сторону самозванца. „Самъ Богъ ему помогаетъ“,—говорили воеводы. „Стало быть, онъ и есть истинный Дмитрій“.

Самозванецъ, между тѣмъ, находился въ Путивлѣ. Узнавъ о событіяхъ, происшедшихъ подъ Кромами, онъ двинулся изъ Путивля къ Москвѣ. Въ Тулѣ явились къ нему два посольства: отъ московскихъ бояръ, и отъ казаковъ. Бояре, князь Воротынскій и другіе, привезли ему повинную, просили простить ихъ за то, что раньше не хотѣли его признать и воевали съ нимъ. Они думали, что царь первыми приметъ ихъ, а потомъ уже казаковъ. Но царь позвалъ къ рукѣ сперва казаковъ, а боярамъ пришлось ждать. Казаки при этомъ ругали и позорили бояръ, и самъ царь при казакахъ бранилъ бояръ. Бояре были оскорблены такимъ пріемомъ.

Изъ Тулы новый царь Дмитрій пошелъ дальше, къ своей столицѣ. По всему пути ему устраивались торжественныя встрѣчи. Народъ выходилъ къ нему съ хлѣбомъ-солью, съ хоругвями и иконами, съ колокольнымъ звономъ. Всѣ хотѣли взглянуть на новаго царя. Царь везъ съ собой въ Москву подлиннаго Гришку Отрепьева и показывалъ его народу, чтобы всѣ видѣли, что Дмитрій совсѣмъ не Гришка.

10. Конецъ Годуновыхъ.

Въ Москвѣ народная толпа давно стояла уже за Дмитрія. На улицахъ и площадяхъ только и говорили, что о Дмитріи, радовались всякому его успѣху, огорчались всякой неудачей. Когда бѣглецы изъ подъ

Кромъ прибыли въ Москву и разсказали о признаніи Дмитрія всѣмъ войскомъ,—въ Москвѣ народъ заволновался. Говорили, что Корела съ казаками уже идетъ къ столицѣ. Ѳедоръ Годуновъ сталъ бояться за свой престолъ, богатые люди—за свое богатство, чтобы его не разграбили казаки. Спѣшно укрѣпляли Кремль, къ стѣнамъ и валамъ возили пушки; ждали прихода казаковъ.

1 іюня 1605 г. въ Москву прибыли гонцы отъ Дмитрія съ грамотой отъ новаго царя. Они не рѣшились явиться прямо въ столицу и сначала проѣхали въ Красное село. Тамъ ударили въ набатъ, собрали народъ на площадь, прочли грамоту. Отсюда толпа народа повалила въ самый городъ, на Красную площадь. Вся площадь наполнилась людьми. Бояре царя Ѳедора вышли было изъ Кремля, хотѣли разгонять толпу. Но ихъ никто не слушалъ. Съ Лобнаго мѣста прочли грамоту. Царь Дмитрій, говорилось въ грамотѣ, на московскихъ людей не гнѣвается; они присягали Годунову, не зная, что настоящій наслѣдникъ живъ. Царь напоминалъ московскимъ людямъ, сколько всѣ они страдали отъ Бориса. Новый царь сулилъ имъ всякія льготы, увѣщалъ ихъ, чтобы вѣрно ему служили.

Выслушавъ царскую грамоту, народъ заволновался. Призвали Шуйскаго и спрашивали его, точно ли царевичъ спасся. Шуйскій на этотъ разъ показалъ не то, что показывалъ раньше. Онъ заявилъ, что царевичъ былъ спасенъ, что вмѣсто него убили попова сына. Тогда народъ кинулся въ Кремль, во дворецъ, разыскивать Годуновыхъ. Царь Ѳедоръ бѣжалъ въ Грановитую палату и сѣлъ на тронъ, думая, что это его спасетъ. Но ворвавшаяся толпа стащила его съ трона; царя посадили подъ арестъ. Черезъ 10 дней царя Ѳедора и его мать убили звѣрски. Тѣло самого Бориса вынесли изъ Архангельскаго собора, и зарыли въ бѣдномъ монастырѣ. Патріарха, бывшаго при Борисѣ, лишили сана и отвезли въ дальній мона-

стыръ. Разослали въ ссылку въ разные города всю родню и друзей Годуновыхъ. Ихъ увозили въ простыхъ телѣгахъ, въ цѣпяхъ и въ однѣхъ рубашкахъ.

11. Царь Дмитрій.

20 іюня 1605 г. царь Дмитрій торжественно въѣхалъ въ свою столицу. Онъ въѣхалъ серпуховской дорогой. Впереди ѣхали польскіе ратники, въ блестящихъ латахъ, съ копьями въ рукахъ, и польскіе музыканты. За ними шли ряды стрѣльцовъ чинно и важно, по два въ рядъ. Потомъ везли царскія кареты, запряженныя каждая шестеркой лошадей. За каретами ѣхали дворяне, въ праздничныхъ кафтанахъ, съ золотомъ и жемчугомъ на воротникахъ. За ними слѣдовали московскіе музыканты, съ накрами и бубнами. За музыкой—двигались на коняхъ ряды служилыхъ людей, потомъ духовенство въ золотыхъ ризахъ, съ иконами и хоругвями, и новый патріархъ; передъ его каретой несли патріаршій посохъ. За патріархомъ ѣхалъ на конѣ самъ царь, въ золотомъ платьѣ, окруженный боярами. Дальше ѣхали казаки, поляки, татары, и бѣжалъ народъ. Улицы Москвы были полны народомъ. Окна и крыши были усѣяны людьми. „Вотъ онъ, нашъ батюшка-кормилецъ! Взошло солнышко надъ русскою землей!“—говорили въ толпѣ.

Въѣзжая въ Кремль, царь снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: „Господи Боже! Благодарю Тебя: Ты сохранилъ мнѣ жизнь, и сподобилъ увидѣть городъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный“. По щекамъ его текли слезы. Въ Успенскомъ соборѣ онъ приложился къ мощамъ и иконамъ, отслужилъ молебенъ, поклонился гробамъ предковъ и плакалъ надъ гробомъ царя Ивана. Русскіе люди замѣтили, однако, что царь, видно, позабылъ русскіе обычаи: допустилъ иноземцевъ съ собой во храмы, позволилъ польскимъ музыкантамъ ударить въ трубы и литавры во время

церковнаго пѣнія и крестился не по московски. Объясняли это тѣмъ, что онъ долго былъ за рубежомъ. Враги новаго царя пользовались его ошибками, указывали на нихъ народу. Они твердили, что это не Дмитрій, а Гришка Отрепьевъ. Двоихъ изъ нихъ схватили и предали казни. Когда ихъ вели на казнь, то народъ кричалъ: „По дѣломъ васъ осудили, умирайте!“.

Потомъ противъ Дмитрія заговорилъ князь Василій Шуйскій. Онъ собиралъ у себя въ домѣ разныхъ людей, и толковалъ съ ними, что новый царь— Гришка, что онъ захватилъ власть обманомъ и будетъ царствовать на бѣду Россіи. Онъ приблизилъ къ себѣ иноземцевъ, хочетъ искоренить святую вѣру, истребить боярскіе роды; онъподосланъ королемъ и польскими панами. Объ этихъ разговорахъ донесли царю. Шуйскаго схватили и судили. Судъ присудилъ его къ смертной казни. Стараго боярина вывели уже на казнь, сняли съ него кафтанъ, стали разстегивать воротъ рубашки. Въ это время прискакалъ изъ Кремля гонецъ и объявилъ, что царь даруетъ Шуйскому жизнь; вмѣсто смертной казни, Шуйскаго повезли въ ссылку; имущество его было взято въ казну. Потомъ царь совсѣмъ его помиловалъ, вернулъ ему званіе, чины, имущество и самого воротилъ въ Москву.

Вскорѣ вернулась въ Москву изъ дальняго монастыря и мать царевича Дмитрія, инокиня Марфа. Самозванецъ встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Вся Москва вышла туда, смотрѣть на свиданіе царя съ матерью. Когда подъѣхала карета, въ которой ѣхала инокиня Марфа, царь слѣзъ съ коня и бросился матери въ объятія; потомъ шелъ пѣшкомъ съ боку отъ кареты. Царица помѣстилась въ одномъ изъ кремлевскихъ монастырей. Дмитрій каждый день навѣщалъ ее, передъ каждымъ важнымъ дѣломъ спрашивалъ ея благословенія. Всѣ видѣли, что царица признаетъ Дмитрія своимъ сыномъ.

Царь велѣлъ вернуть въ Москву изъ ссылки всѣхъ бояръ, пострадавшихъ при Борисѣ. Такъ были воз-

вращены Нагіе Романовы, и другіе. Филаретъ Никитичъ сдѣлался ростовскимъ митрополитомъ.

Новый царь правилъ такъ же, какъ и царь Иванъ. Онъ заботился о служилыхъ людяхъ, раздавалъ имъ земли, далъ двойное денежное жалованье. Вопреки прежнимъ своимъ обѣщаніямъ, онъ не далъ полякамъ русскихъ земель. Не ввелъ онъ на Руси и латинской вѣры, какъ того хотѣлъ римскій папа.

Были, однако, и перемѣны. Дмитрій принялъ новый титулъ, называлъ себя цесаремъ, императоромъ и непобѣдимымъ. Боярскую думу онъ назвалъ по польскому образцу сенатомъ. Всѣмъ русскимъ людямъ позволилъ ѣздить въ чужія страны. Боярамъ совѣтовалъ посылать дѣтей для науки за границу. Вообще онъ хотѣлъ сдѣлать свой народъ болѣе образованнымъ. Самъ царь жилъ по новому. Послѣ обѣда онъ не ложился спать, а шелъ гулять по городу, заходилъ въ мастерскія, толковалъ съ мастерами, со встрѣчными людьми. Всѣмъ этимъ онъ отличался отъ прежнихъ государей.

12. Конецъ Лжедмитрія.

Недолго процарствовалъ царь Дмитрій: всего 11 мѣсяцевъ. У него было слишкомъ много враговъ въ Москвѣ. Имъ были недовольны бояре, которыхъ онъ обидѣлъ. Недовольны были и служилые дворяне: царь не давалъ имъ притѣснять холоповъ и запретилъ возвращать прежнимъ господамъ людей, выгнанныхъ изъ дома во время голода: „Не умѣлъ крестьянина своего кормить въ тѣ голодные года, и теперь его не ищи,“—говорилъ царь. Недовольны были и духовныя власти: царь Дмитрій разрѣшилъ полякамъ поставить въ Кремлѣ латинскіе костелы. За царя стояли больше всего казаки, да стрѣльцы. Случилось, что семеро изъ стрѣльцовъ говорили дурно о царѣ. Царь велѣлъ другимъ стрѣльцамъ судить ихъ. Стрѣльцы бросились на нихъ и мигомъ

изрубили. За царя они готовы были на все. Казаки ходили по городу и, гдѣ слышали дурную рѣчь о царѣ, сейчасъ убивали. Такъ стояли они за своего царя.

Весной 1606 г. прибылъ въ Москву панъ Мнишекъ съ дочерью и съ большою свитой, больше 2 тысячъ человѣкъ. На 8 мая была назначена царская свадьба. Царь попрежнему былъ влюбленъ въ Марину.

Но этой свадьбой царь нарушилъ старые русскіе обычаи. Онъ женился на дѣвицѣ латинской вѣры, не обративъ ее въ православную вѣру. Самая свадьба была устроена въ день, когда на Руси не вѣнчаютъ: подъ пятницу, да еще подъ Николинъ день. Русскимъ людямъ все это не нравилось. Врагамъ Дмитрія теперь легко было отъ него избавиться, воспользовавшись народнымъ неудовольствіемъ.

Противъ Дмитрія давно уже готовился заговоръ. Заговоръ устроили бояре—князья Шуйскіе, Голицыны и другіе. Князь Василій Шуйскій стоялъ во главѣ заговорщиковъ. У него въ домѣ они собирались тайно, по ночамъ. Шуйскій привлекъ къ заговору служилыхъ дворянъ и московское купечество. Рѣшено было дѣйствовать въ ночь на 17 мая.

Вечеромъ 16 мая царь давалъ праздникъ въ своемъ дворцѣ. Гремѣла музыка; и царь съ царицей, и гости ихъ-поляки много плясали. Подъ утро, когда всѣ улеглись, въ Москвѣ ударили въ набатъ. Народъ побѣжалъ въ Китай-городъ. Тамъ на Красной площади собрались заговорщики; народъ спрашивалъ, въ чемъ дѣло, почему набатъ? Заговорщики объяснили, что поляки рѣжутъ бояръ и хотятъ убить царя. Толпа бросилась на дома поляковъ. Начался погромъ, избіеніе поляковъ, разграбленіе ихъ домовъ. Тѣмъ временемъ Василій Шуйскій съ мечемъ и крестомъ въ рукахъ въѣхалъ въ Кремль, приложился тамъ къ Владимірской иконѣ Божіей Матери и повелъ заговорщиковъ во дворецъ.

Во дворцѣ заговорщики потребовали, чтобы Басмановъ выдалъ имъ самозванца. Лжедмитрій, разбуженный шумомъ, вышелъ къ заговорщикамъ, кричалъ на нихъ; „Я вамъ не Годуновъ!“ Въ царя стали стрѣлять. Басмановъ заслонилъ царя. Заговорщики бросились на Басманова и убили. Царь побѣжалъ предупредить царицу, потомъ выпрыгнулъ изъ окна съ высоты 4 саженей, и сломалъ себѣ ногу. Подъ окномъ его нашли вѣрные стрѣльцы. Они стали на его защиту и положили нѣсколько человѣкъ заговорщиковъ. Тогда Шуйскій крикнулъ, что надо идти въ стрѣлецкія слободы, бить тамъ стрѣльчихъ и стрѣльчатъ. Стрѣльцы отступились, чтобы спасти своихъ женъ и дѣтей.

Кто-то сказалъ, въ это время что инокиня Марѳа отреклась отъ Дмитрія, не признаетъ его больше сыномъ. Тогда дворянинъ Валуевъ закричалъ: „Что толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю польскаго свистуна“, и убилъ его выстрѣломъ изъ ружья. Другіе добили самозванца и трупъ его сбросили съ крыльца на трупъ Басманова. Потомъ раздѣли оба трупа и потащили ихъ на Красную площадь.

На Красной площади оба трупа лежали въ теченіе 3 дней. Лжедмитрія положили на столѣ, съ маской на лицѣ, съ дудкой и волынкой; Басманова—у ногъ его, на скамьѣ. Потомъ ихъ похоронили. Черезъ нѣсколько дней тѣло самозванца вырыли, сожгли, смѣшали пепелъ съ порохомъ и, зарядивъ пушку, выстрѣлили на западъ,—въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ Москву.

13. Воцареніе Василія Шуйскаго.

Черезъ два дня послѣ убійства Лжедмитрія, 19 мая, на Красной площади собрался московскій народъ. Тутъ были и купцы, и пирожники, и сапожники. Изъ Кремля къ нимъ выѣхали бояре, предложили выбрать новаго патріарха. Въ толпѣ закричали, что

надо сперва выбрать царя, что царемъ долженъ стать князь Василій Шуйскій. Никто не посмѣлъ спорить, и такимъ образомъ глава заговорщиковъ сдѣлался царемъ. Онъ не былъ выбранъ ни земскимъ соборомъ, ни боярской думой. Но онъ былъ изъ старинаго княжескаго рода, потомокъ Александра Невскаго, и былъ очень гордъ своей породой.

Василій Шуйскій обѣщалъ боярамъ, что при немъ не будетъ такихъ опалъ и казней, какъ при царѣ Грозномъ и при Годуновѣ, что онъ никого не казнитъ и не лишитъ имущества, не осудя съ боярами своими.

Новаго царя окружали бояре и князья: Голицыны, Трубецкіе, Воротынскіе и другіе. Они больше имѣли власти, чѣмъ самъ Шуйскій. Это былъ боярскій царь. Бояре надѣялись съ его помощью опять усилиться. Но служилые дворяне не любили его и боялись; они не ждали отъ него для себя никакихъ милостей.

Чтобы укрѣпить свою власть, царь Шуйскій разсылалъ по городамъ грамоты; въ этихъ грамотахъ новый царь объяснялъ народу, что произошло въ Москвѣ, за что убили разстригу-Гришку. Въ то же время въ Угличѣ были открыты мощи царевича Дмитрія. Въ Угличъ были посланы за мощами духовныя власти. Мощи торжественно перенесли въ Москву и поставили въ Архангельскомъ соборѣ. У мощей царевича мать его, инокиня Марфа, бросилась при всемъ народѣ на колѣни, молила сына простить ее, что повѣрила она самозванцу. И государя, и весь народъ она молила ее помиловать за этотъ грѣхъ.

14. Болотниковъ.

Царь Шуйскій писалъ въ своихъ грамотахъ, что Дмитрій былъ самозванецъ, а настоящій царевичъ погибъ въ Угличѣ. Но этимъ грамотамъ въ народѣ плохо вѣрили. Хорошо помнили, что Шуйскій прежде говорилъ другое, что онъ нѣсколько разъ мѣнялъ

свое мнѣніе. Когда же онъ говорилъ правду? Разнесся слухъ, что царь Дмитрій вовсе не убитъ, а убитъ другой, невѣдомо какой человѣкъ. Убитый и не похожъ совсѣмъ на Дмитрія; чтобы скрыть это,— говорили въ народѣ,—на убитаго человѣка нарочно надѣли маску, чтобы обмануть народъ.

Москва волновалась такими слухами. Нѣсколько разъ на московскихъ улицахъ собиралась толпа народа, начинались безпорядки.

Еще неспокойнѣе было на южной Украйнѣ. Тамъ вѣрили, что царь Дмитрій спасся, и скоро вернется опять на царство. Въ Путивлѣ сидѣлъ воевода его, князь Шаховской. Онъ поднималъ народъ на Шуйскаго. Особенно волновалъ народъ бѣглый холопъ Болотниковъ. Онъ разсылалъ свои листы, призывалъ къ возстанію, къ мятежу. Онъ внушалъ холопамъ, чтобы они побивали своихъ господъ и брали себѣ ихъ вотчины и помѣстья; такъ же побивали бы богатыхъ купцовъ и грабили бы ихъ имущество. Отъ имени царя Дмитрія Болотниковъ обѣщалъ мятежникамъ боярство и другія высшія должности.

Воззванія Болотникова имѣли успѣхъ; къ нему стекались отовсюду холопы, крестьяне, стрѣльцы, казаки; всѣхъ этихъ людей въ Москвѣ называли измѣнниками, ворами. „Воры“ начали бить и грабить, разоряли господскіе дома и усадьбы; въ городахъ они хватали царскихъ воеводъ и сажали ихъ въ тюрьмы. Все это дѣлалось во имя царя Дмитрія. Ждали съ часу на часъ его самого. Но время шло, а Дмитрій не являлся. Между тѣмъ, мятежъ усиливался. Къ южнымъ городамъ присоединялись другіе города: Калуга, Тула, Рязань. На Волгѣ поднялась Астрахань; мятежники осадили Нижній. Цѣлая половина государства была охвачена мятежомъ.

На царя Шуйскаго поднялись тѣ же люди, какіе шли раньше за Лжедмитрія. Это были холопы, крестьяне, стрѣльцы, казаки. Не было только поляковъ: мятежъ подняли одни русскіе люди. Но у нихъ на-

шлись новые союзники въ самой русской землѣ. Царемъ Шуйскимъ были недовольны дворяне. Они хотѣли свести Шуйскаго съ престола и посадить своего царя. Тульскіе и рязанскіе дворяне стали за Дмитрія. Во главѣ ихъ стояли рязанскіе дворяне: Прокопій Ляпуновъ, Григорій Сумбуловъ и тульскій дворянинъ Истома Пашковъ. Они явились въ станъ мятежниковъ и вмѣстѣ съ ними пошли къ Москвѣ.

Двумя дорогами шли къ Москвѣ мятежники. Одни, съ Болотниковымъ во главѣ, разбили царскихъ воеводъ у Кромъ и взяли Серпуховъ. Другіе, съ Ляпуновымъ и Сумбуловымъ, овладѣли Коломной. На рѣкѣ Окѣ оба воинства соединились. Царскій воевода Мстиславскій былъ разбитъ мятежниками; они гнались за Мстиславскимъ до самой Москвы и стали въ селѣ Коломенскомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы. 12 октября 1606 г. мятежники начали осаду Москвы. У царя Шуйскаго въ Москвѣ было мало войска. Царь не надѣялся и на московскихъ жителей: они могли измѣнить ему. Одолѣть мятежниковъ было трудно. Царь назначилъ пяти-дневный постъ, чтобы умолить Бога и спасти Москву отъ воровъ.

6 недѣль длилась осада Москвы. Рязанскіе и тульскіе дворяне стояли рядомъ съ „ворами“, своими же бѣглыми крестьянами и холопами. Эти бѣглые шли не только противъ Шуйскаго, но и противъ своихъ господъ. Дворянамъ не было разсчета помогать имъ въ этомъ дѣлѣ. Увидавъ, чего хотятъ эти люди, дворяне рѣшили, что имъ выгоднѣе стоять за царя Василія, и помочь ему усмирить мятежниковъ. Первыми отстали отъ мятежа рязанскіе дворяне. Ляпуновъ и Сумбуловъ со своими рязанцами покинули станъ мятежниковъ и явились въ Москву, съ повинной къ Шуйскому. Царь обласкалъ рязанцевъ, далъ имъ награды. Съ этого дня рязанскіе дворяне воевали уже за Шуйскаго и бились съ войсками Болотникова.

2 декабря подъ самой Москвой произошла битва. Царскій воевода, молодой Скопинъ-Шуйскій, вышелъ изъ Калужскихъ воротъ Москвы и пошелъ къ Коломенскому. Болотниковъ принялъ бой. Холопы и казаки бились отчаянно; но въ самомъ пылу битвы, отъ нихъ ушли тульскіе дворяне съ Пашковымъ во главѣ. Они передались Шуйскому. Это рѣшило дѣло.

Болотниковъ былъ разбитъ и заперся въ Коломенскомъ; царскіе воеводы зажгли Коломенское. Болотниковъ бѣжалъ въ Калугу, потомъ въ Тулу. Самъ царь Шуйскій осадилъ его въ Тулѣ. Но взять ее было не легко. Чтобы добиться сдачи, Шуйскій велѣлъ заградить рѣку Упу: вода обступила Тулу; начался голодъ, потому что подвозъ припасовъ былъ прекращенъ. Тогда мятежники сдались. Мятежники жестоко поплатились за свой мятежъ главныхъ заводчиковъ мятежа, Шаховского и Болотникова, сослали въ дальнія сѣверныя мѣста. Многихъ казнили, многихъ побросали въ рѣки. Бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ вернули ихъ господамъ. Другихъ, у которыхъ не нашлось господъ, роздали новымъ господамъ въ крестьяне и въ холопы. Въ то же время царь Василій издалъ новый указъ: господа могли теперь разыскивать своихъ крестьянъ въ теченіе не пяти, а десяти лѣтъ со дня побѣга.

15. Тушино.

Не успѣлъ царь Шуйскій покончить съ однимъ мятежомъ, какъ уже начался другой. Снова поднялось населеніе южныхъ областей. Тамъ объявился новый самозванецъ. Кто это былъ—неизвѣстно. Многіе считали его поповскимъ сыномъ; другіе думали, что это служилый человѣкъ, даже княжескаго рода. Иные называли его евреемъ. Сперва онъ явился въ городкѣ Пропойскѣ, въ Бѣлоруссіи. Здѣсь его приняли за лазутчика и посадили въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ открылся, что онъ будто бы родственникъ царей

московскихъ, Нагой. Его выпустили; онъ явился въ Стародубъ. Отсюда онъ послалъ своего товарища Рукина, разглашать по городамъ, что царь Дмитрій живъ. Рукина схватили и потребовали, чтобы онъ показалъ Дмитрія. Рукинъ привелъ ихъ въ Стародубъ и показалъ имъ самозванца. Тотъ сначала говорилъ, что онъ совсѣмъ не Дмитрій. Стародубцы не повѣрили и хотѣли его пытать. Тогда онъ схватилъ палку и закричалъ на нихъ: „Еще вы меня не знаете; я государь!“ „Они упали ему въ ноги со словами: „Виноваты, государь, передъ тобой!“

Въ другихъ мѣстахъ объявились другіе самозванцы. У казаковъ на Терекѣ объявился самозванецъ Петръ, будто бы сынъ царя Ѳедора Ивановича (у него и не было сына). Въ Астрахани—царевичъ Августъ, потомъ князь Иванъ, будто бы сынъ Грознаго, потомъ царевичъ Лаврентій, будто бы внукъ Грознаго, сынъ царевича Ивана Ивановича. Въ другихъ казацкихъ мѣстахъ явились царевичи: Ѳедоръ, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Ерошка, Гаврилка и Мартынка,—все сыновья царя Ѳедора Ивановича, числомъ 8. Всего было 12 самозванцевъ; Лжедмитрій былъ тринадцатый.

Всего больше людей шло къ Лжедмитрію, объявившемуся въ Стародубѣ. Ему присягнуло много городовъ. Подъ его знамена шли также люди, бывшіе раньше у Болотникова. Новый самозванецъ обѣщалъ всѣмъ большія милости и велѣлъ объявить, что крестьяне, которыхъ господа служатъ Шуйскому, могутъ брать себѣ земли своихъ господъ.

Такъ же, какъ и первому Лжедмитрію, новому самозванцу помогли поляки. Онъ сзывалъ ихъ подъ свои знамена, чтобы съ ихъ помощью вернуться въ Москву. „Въ первый разъ“, писалъ онъ въ своихъ грамотахъ, „я съ поляками Москву взялъ, хочу и теперь идти къ Москвѣ съ ними же“. Къ нему собрались польскіе отряды. Со всѣми этими силами самозванецъ разбилъ царскихъ воеводъ и подошелъ

къ Москвѣ. Здѣсь онъ сталъ въ 12 верстахъ отъ города, въ селѣ Тушинѣ. Съ этихъ поръ его стали называть „Тушинскимъ воромъ".

Въ Тушино привезли къ самозванцу и Марину Мнишекъ. Сначала она очень упрямилась, не соглашалась признавать вора за своего мужа. Но потомъ ее уговорили поляки. Дмитрій и Марина, встрѣтившись, бросились другъ другу въ объятія. Отцу царицы самозванецъ обѣщалъ 300 тысячъ деньгами, и южную Украйну въ управленіе.

Тушино скоро выросло въ цѣлый городокъ. Здѣсь собралось большое населеніе, больше 70 тысячъ человѣкъ. Явились съ товарами купцы, началась торговля. Между тѣмъ приближалась зима. Для зимовки вырыты были землянки; для богатыхъ людей изъ ближнихъ деревень доставили готовыя избы, и поставили въ обозѣ. Въ землянкахъ устроили погреба. Для самозванца съ его царицей и для Мнишка были построены настоящія хоромы.

Московское царство раскололось на двѣ половины. Было два царства и два царя: въ Москвѣ былъ царь Василій со своимъ дворомъ, въ Тушинѣ—царь Дмитрій со своимъ дворомъ. Много дворянъ, бояръ, князей уходило изъ Москвы въ Тушино, служить Тушинскому вору. Были и такіе, которые по нѣскольку разъ мѣняли присягу: цѣловали крестъ то царю Дмитрію, то царю Василію, ѣздили изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву и требовали себѣ жалованье и тутъ, и тамъ. Ихъ называли „перелетами". Московскіе купцы ѣздили въ Тушино съ товарами.

Воеводы тушинскаго вора двигали свои полки кругомъ Москвы, старались окружить ее со всѣхъ сторонъ. Сами русскіе города кругомъ Москвы становились на сторону вора, и одинъ за другимъ цѣловали ему крестъ. Такъ цѣловали ему крестъ 22 города.

Казалось, царю Шуйскому придется оставить царство, и пустить тушинскаго вора на московскій тронъ.

16. Троицкая осада.

Тушинскому вору служило много поляковъ. Польскіе отряды расходились изъ Тушина во всѣ стороны, двигались кругомъ Москвы. Они старались захватить дороги, по которымъ въ Москву подвозили хлѣбъ. Въ 50 верстахъ къ сѣверу отъ Москвы, они осадили Троицкую Лавру. Это былъ очень богатый монастырь. Но это была и сильная крѣпость, съ башнями и стѣнами. Взять ее было нелегко. Стѣны были каменныя, въ три сажени вышиной, въ три сажени толщиной.

Поляки подошли къ монастырю въ сентябрѣ 1608 г. Во главѣ польскихъ отрядовъ стояли паны Сапѣга и Лисовскій. Царь Василій Шуйскій послалъ войска, чтобы не пустить поляковъ къ Троицкой Лаврѣ, но поляки разбили ихъ и осадили монастырь. Поляковъ было тысячъ 20 или 30; среди нихъ были и русскіе казаки осажденныхъ было всего $2^1/_2$ тысячи, считая въ томъ числѣ и монаховъ.

Со всѣхъ сторонъ кругомъ монастыря поляки поставили свои батареи и стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Шесть недѣль, до зимы, длилась эта бомбардировка. Ядра попадали въ церковные колокола, въ окна и двери собора, ударялись и въ иконы—и пробивали ихъ; такъ пострадали иконы архангела Михаила и Николая Чудотворца. Много разъ поляки ходили на приступы, лѣзли на монастырскія стѣны, но русскіе отбивали ихъ.

Зимой и бомбардировка, и приступы прекратились. Зато открылась въ монастырѣ болѣзнь. Въ монастырѣ было много пришлаго народа; со всѣхъ сторонъ сбѣжались въ него окрестные жители, съ женами, дѣтьми, и скотомъ; всѣ они спасались отъ поляковъ. Монастырь походилъ на ярмарку. Въ зимнюю стужу все это набилось въ узкія кельи. Топлива не хватало; жгли кровли, сѣни, чуланы. Отъ стужи и отъ тѣсноты началась цынга. Отъ цынги умирало въ день по нѣ-

сколько десятковъ, по сотнѣ человѣкъ. Къ концу зимы изъ $2^1/_2$ тысячъ человѣкъ уцѣлѣло едва 200 человѣкъ.

Весной начались снова приступы поляковъ; на стѣны должны были выйти, для ихъ защиты, всѣ, кто только былъ въ монастырѣ: монахи, старики, женщины и дѣти. Въ то же время среди осажденныхъ не было единства; старцы враждовали между собой, воеводы спорили другъ съ другомъ. Одна монахиня, бывшая въ монастырѣ, писала своей теткѣ: „Я въ своихъ бѣдахъ чуть жива и, конечно, больна со всѣми старицами, и впередъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же за грѣхи наши моровое повѣтріе; великія смертныя скорби объяли всѣхъ людей; на всякій день хоронятъ мертвыхъ человѣкъ по 20, по 30 и побольше, а тѣ, которые еще ходятъ, собою не владѣютъ: всѣ обезножили".

Трудно было защищать обитель. Однако монастырь продержался цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ. Сапѣга и Лисовскій со всѣмъ своимъ воинствомъ не могли овладѣть монастыремъ. Въ концѣ 1609 г. явился ему на выручку царскій воевода князь Скопинъ-Шуйскій. Онъ разбилъ Сапѣгу подъ Калязинымъ монастыремъ. Послѣ этого, 12 января 1610 г. поляки сняли совсѣмъ осаду и ушли отъ монастыря. Троицкая осада кончилась.

17. Господство тушинцевъ.

Тушинцы господствовали по всей русской землѣ. Вездѣ происходила смута. Въ разныхъ городахъ мелкіе люди поднимались противъ мѣстныхъ богачей и противъ царскихъ воеводъ. Воеводы должны были обращаться въ бѣгство. Такъ было въ Новгородѣ, въ Псковѣ. Всюду возвышались простые люди, вышедшіе изъ народа, изъ крестьянъ, холоповъ, казаковъ. Многіе изъ нихъ быстро наживались, и начинали жить боярами. Московскіе люди жаловались,

что совсѣмъ все идетъ навыворотъ: рабы стали сильнѣе своихъ господъ; простые люди, купцы и мужики, подражаютъ во всемъ вельможамъ, украшаются золотомъ и серебромъ; нельзя даже и разобрать по платью, кто эти люди: такъ все смѣшалось.

Люди зажиточные, жившіе прежде спокойно, теперь должны были всего бояться. Тушинскіе отряды хозяйничали по всей странѣ. Казаки и поляки бродили по городамъ и селамъ, разоряли, били, грабили. Русскимъ людямъ приходилось укрываться отъ нихъ, убѣгать въ лѣсную глушь. Келарь троицкой лавры, Авраамій Палицынъ, потомъ разсказывалъ: „Русскіе люди укрывались въ непроходимыхъ дебряхъ, въ чащѣ темныхъ лѣсовъ, въ пещерахъ невѣдомыхъ и кустахъ. По ночамъ пожары освѣщали тьму въ поляхъ и лѣсахъ. Враги гонялись за русскими людьми, какъ за звѣрями, съ собаками. Дикіе звѣри, медвѣди, волки, вмѣсто людей населяли города. Звѣри и птицы на трупахъ человѣческихъ веселились“. Такъ хозяйничали въ русской землѣ тушинцы.

Въ тушинскихъ отрядахъ были и русскіе люди, и поляки. Поляки, люди латинской вѣры, не щадили русскихъ церквей и духовенства. И русскіе люди, казаки, имъ въ этомъ помогали. Тотъ же Палицынъ разсказывалъ: „Тогда затворяли коней въ Божіихъ церквахъ, и собакъ въ алтаряхъ питали. Ризы раздирали и на обувь продавали. Иноковъ мучили, заставляли на себя работать,—варить пиво, кормы готовить, стада пасти. Поповъ посылали дрова рубить“.

Вѣрующіе люди объясняли: „Это все Господь Богъ послалъ за грѣхи русскаго народа“.

18. Побѣды Скопина.

Такова была смута при царѣ Василіи. Почти вся страна отъ него отпала. Всюду господствовали тушинцы, казаки и поляки. Но уже противъ нихъ начинали подниматься русскіе люди. Жители раз-

ныхъ городовъ писали другъ другу, толковали о томъ, какъ бы избавиться отъ вора и отъ его тушинцевъ. Царь Василій не могъ самъ съ ними справиться. Надо было самимъ стать за себя, самимъ воевать съ тушинцами.

Служилые люди и посадскіе не хотѣли больше знать самозванца. Когда явились тушинскіе сборщики дани, ихъ встрѣчали съ оружіемъ въ рукахъ и сажали въ тюрьмы. Отбивали отъ своихъ стѣнъ цѣлые тушинскіе отряды. Всюду составлялись вольные русскіе отряды со своими выборными вождями. Вождями были и дворяне, и стрѣльцы, и простые мужики. Отряды были и пѣшіе и конные; нѣкоторые изъ нихъ двигались по снѣгу на лыжахъ.

Все это поднялось само собой. Но во главѣ всѣхъ этихъ русскихъ силъ сталъ царскій воевода Скопинъ Шуйскій. Онъ стоялъ въ Новгородѣ, и отсюда руководилъ всѣмъ. Онъ разсылалъ гонцовъ съ грамотами по всему сѣверному краю, посылалъ и въ Вологду, и въ Соловки, и въ Пермь. Сюда же къ нему приходили за вѣстями ходоки изъ разныхъ мѣстъ. Соловецкіе монахи и богатые промышленники Строгановы прислали большія деньги на войну съ Тушинскимъ воромъ. Собравъ всѣ русскіе, отряды, изъ Новгорода Скопинъ выступилъ къ Москвѣ. По пути онъ разбилъ Сапѣгу, заставилъ его уйти отъ Троицкаго монастыря.

Въ Москвѣ Скопина встрѣтили съ торжествомъ. Бояре поднесли ему хлѣбъ-соль. Простые люди падали ницъ, благодарили его, что очистилъ землю отъ враговъ. Всѣ славили молодого воеводу. Говорили, что послѣ Шуйскаго ему быть царемъ. Но Скопинъ не долго попраздновалъ: онъ заболѣлъ на одномъ пиру и умеръ; говорили, что его отравилъ братъ царя Василія, Дмитрій Шуйскій, который самъ хотѣлъ стать царемъ.

19. Шведское и польское вмѣшательство.

При царѣ Василіи въ смуту вмѣшались еще сосѣди, шведы и поляки. Тѣ и другіе давно хотѣли вмѣшаться въ русскія дѣла, чтобы поживиться на русскій счетъ. Во время смуты это было сдѣлать всего удобнѣе.

Шведскій король предлагалъ свою помощь и царю Борису, и царю Василію, обѣщалъ прислать свои войска. Король говорилъ, что сдѣлаетъ это даромъ изъ одного сочувствія къ русскимъ людямъ и ничего не потребуетъ за это. Но царь Борисъ и царь Василій надѣялись справиться своими силами и отказывались отъ шведской помощи.

Когда смута усилилась,—пришлось прибѣгнуть къ шведскому королю за помощью. Въ 1609 г. царь Василій послалъ къ шведамъ. Въ Новгородѣ былъ подписанъ договоръ: шведы давали 15 тысячъ войска, русскіе должны были обѣщать за это шведамъ денежную плату и земельныя уступки. Шведскій король говорилъ своимъ воеводамъ: «Надо воспользоваться русской смутой, чтобы обогатить землями шведскую корону». На этихъ условіяхъ шведы явились на помощь русскимъ, и воевода Скопинъ съ шведской помощью одерживалъ свои побѣды.

Въ то же время вмѣшался въ русскія дѣла и польскій король. Онъ давно слѣдилъ за русской смутой и выжидалъ случая, когда можно будетъ вмѣшаться. Своимъ полякамъ онъ позволялъ помогать и первому самозванцу, и тушинскому вору, но самъ не хотѣлъ сразу объявлять войну. Теперь, когда шведы уже вмѣшались, польскій король рѣшилъ, что настало время. Съ большимъ войскомъ, въ 30,000 человѣкъ, вторгся онъ въ русскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Король объявилъ жителямъ Смоленска, что онъ хочетъ московское государство успокоить, унять въ немъ внутреннюю распрю, для того и пришелъ онъ въ русскую землю. На самомъ дѣлѣ польскій король хотѣлъ воспользоваться русской смутой, завладѣть всею русской

землей и не дать завладѣть ею шведамъ. «Теперь можно будетъ присоединить къ Польшѣ всю Россію»,— писалъ король своимъ полякамъ.

Теперь царю Василію пришлось воевать съ самой Польшей. Смоленскъ былъ хорошей крѣпостью, съ толстыми каменными стѣнами, съ 38 высокими башнями. Войска въ немъ было тысячъ до 30, а всего народа тысячъ 70. Взять Смоленскъ было не легко. Онъ могъ выдержать долгую осаду. Но поляки брали другіе города. Польскій воевода панъ Жолкѣвскій шелъ къ Москвѣ. Надо было снаряжать полки, посылать ихъ навстрѣчу полякамъ. Воеводы Скопина не было уже въ живыхъ. Царь назначилъ воеводой своего брата, Дмитрія Шуйскаго, и далъ ему 40 тысячъ русскихъ да 8 тысячъ шведовъ.

Шведы требовали себѣ денежнаго жалованья, а иначе не шли въ походъ. У царя Василія въ казнѣ было мало денегъ. Чтобы заплатить шведамъ, онъ велѣлъ перелить въ монету золотыя и себряныя драгоцѣнности своего дворца и послалъ за деньгами въ Троицкій монастырь, прося подмоги. Троицкіе монахи не хотѣли давать денегъ, говорили, что имъ нужно чинить монастырь послѣ осады, что всѣ монастырскія села и мельницы разграблены, и службы и кельи стоятъ безъ кровель. Троицкій келарь, Авраамій Палицынъ, убѣждалъ царя пощадить монастырскую казну. Но царю нужны были деньги, и онъ велѣлъ взять у монаховъ ихъ драгоцѣнности... Монахи жаловались, что имъ не оставили даже и платковъ, чтобы утирать слезы.

Новый воевода, Дмитрій Шуйскій, пошелъ на встрѣчу Жолкѣвскому. У деревни Клушина, подъ Можайскомъ, русскіе сошлись съ поляками. Поляки подошли къ русскимъ незамѣтно въ ночное время, когда тѣ спали; польскій воевода велѣлъ зажечь сосѣднія деревушки и съ трубами и барабанами бросился на русскихъ. Русскіе бросились къ оружію, но спросонку не сразу могли найти. Поляки смѣялись, говорили: это называется «сѣдлай порты, надѣвай коня». Въ этой

битвѣ русскіе были разбиты. Весь обозъ достался полякамъ. Самъ воевода Дмитрій Шуйскій бѣжалъ такъ, что загналъ коня, и спасался дальше пѣшій по болотамъ; въ трясинѣ онъ оставилъ сапоги. Такъ была проиграна Клушинская битва.

Вторженіе польскаго короля нанесло ударъ не только царю Василію, но и тушинскому вору. Осадивъ Смоленскъ, король вызвалъ къ себѣ изъ Тушина всѣхъ служившихъ тушинскому вору поляковъ. «Имъ приличнѣе служить своему королю, чѣмъ вору»,—говорилъ король. Поляки должны были уйти отъ вора. У вора осталось мало войска, и онъ самъ ушелъ изъ Тушина. Онъ сѣлъ въ навозныя сани и убѣжалъ въ Калугу. Слѣдомъ за нимъ, верхомъ и въ гусарскомъ платьѣ, ускакала туда же и Марина. Съ нею ушли изъ Тушина и казаки. Тушино распалось.

20. Конецъ Шуйскаго.

24 іюня 1610 г. была битва при Клушинѣ, и русскіе были разбиты. 11 іюля тушинскій воръ снова подошелъ къ Москвѣ и сталъ въ Коломенскомъ. Москвѣ грозили опять двѣ опасности,—отъ поляковъ и отъ вора. На царя Василія мало было надежды: лучшій его воевода Скопинъ погибъ, а другіе воеводы проигрывали битвы. Въ Москвѣ не хотѣли больше этого царя, терпѣвшаго только неудачи. Стали говорить о томъ, чтобы свести его съ царства и выбрать новаго царя.

Всякіе люди приходили къ царю «съ крикомъ и вопомъ» и говорили: «До чего намъ въ Москвѣ досидѣться?» На Красной площади толковали, что изъза Шуйскаго кровь христіанская льется. Нѣсколько разъ на Шуйскаго готовились покушенія; ходили слухи, что его хотятъ убить. Прокопій Ляпуновъ писалъ изъ Рязани въ Москву брату своему Захару и боярамъ, что надо царя свести, что онъ больше царствовать не можетъ. Когда въ Москвѣ узнали о клу-

шинской неудачѣ и о томъ, что тушинскій воръ стоитъ въ Коломенскомъ,—вся Москва заволновалась. Царствованію Шуйскаго пришелъ конецъ.

17 іюля за Арбатскими воротами собрались служилые люди, дворяне. Ихъ созвалъ Захаръ Ляпуновъ на совѣщаніе. Тутъ говорились такія рѣчи: «Московское государство доходитъ до конечнаго разоренія и расхищенія. Тутъ пришли на него поляки, а тамъ калужскій воръ—съ обѣихъ сторонъ тѣсно. Люди украинскихъ (южныхъ) городовъ не любятъ давно царя Василія и не служатъ ему. Льется христіанская кровь. Отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца. Василій Ивановичъ не по правдѣ сѣлъ на царство и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ оставилъ престолъ. А мы выберемъ всею землей новаго царя».

Отъ Арбатскихъ воротъ толпа дворянъ пошла въ Кремль, во дворецъ къ царю. Во дворцѣ впередъ вышелъ Захаръ Ляпуновъ, высокій и сильный человѣкъ, и сказалъ царю: «Долго-ль за тебя кровь христіанская литься будетъ? Ничего добраго въ царствѣ твоемъ не дѣлается. Земля наша черезъ тебя раздѣлилась, разорена и опустошена. Ты воцарился не по выбору всей земли. Сжалься надъ умоленіемъ нашимъ! Положи посохъ свой. Сойди съ царства! А мы уже о себѣ какъ-нибудь промыслимъ». Шуйскій закричалъ въ отвѣтъ: «Смѣлъ ты мнѣ вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ?» И вынулъ было ножъ. Но Захаръ закричалъ въ отвѣтъ: «Не тронь меня! Я вотъ возьму тебя въ руку, такъ и сомну всего». «Пойдемъ, скажемъ о томъ народу»,—сказали другіе и вышли изъ Кремля на Красную площадь. Здѣсь объявили народу, чтобы шли всѣ за городъ, къ Серпуховскимъ воротамъ, тамъ будетъ всенародное собраніе, тамъ будутъ говорить о томъ, какъ быть.

Толпы народа собрались за Серпуховскими воротами. Пріѣхали патріархъ съ боярами. Здѣсь опять говорили: «Мы—словно овчарня, когда на нее волки

нападутъ. Никто не обороняетъ насъ, никто не хочетъ помочь намъ. Вотъ три года, четвертый на царствѣ сидитъ Василій Шуйскій, и нѣтъ на немъ Божія благословенія, только братья его пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся въ осадѣ, а ратные люди разбѣгаются. Православные люди! Собирайтесь на совѣтъ, какъ бы намъ Шуйскаго отставить, а вмѣсто него выбрать всею землею царемъ того, кого Богъ намъ укажетъ».

Послѣ этого, опять пошли въ Кремль, къ царю, просить его ото всего міра, чтобы оставилъ царство. Только патріархъ уѣхалъ къ себѣ, не пошелъ съ народомъ. Придя во дворецъ, били царю челомъ, просили его оставить царство. Царю Василію пришлось покориться. Онъ положилъ свой посохъ и съѣхалъ на свой боярскій дворъ. Черезъ нѣсколько дней его насильно постригли въ монахи, какъ онъ ни отбивался. Захаръ Ляпуновъ крѣпко держалъ его за руки, чтобы онъ не вырвался.

21. Польскій и шведскій королевичи.

Еще прежде сведенія съ престола Василія Шуйскаго, къ польскому королю подъ Смоленскъ явились послы отъ русскихъ дворянъ и бояръ, служившихъ вору въ Тушинѣ. Послы говорили королю, что благодарятъ его за милость, за старанія водворить миръ въ московскомъ государствѣ. Дьякъ Грамотинъ отъ имени думы и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, сына польскаго короля. Пусть только король сохранитъ ненарушимо русскую вѣру, не касается древнихъ правъ и вольностей русскаго народа и дастъ еще новыя права и вольности, какихъ не бывало прежде въ Московскомъ государствѣ.

Такъ говорили тушинскіе послы. Объ этомъ избраніи королевича тамъ же, подъ Смоленскомъ, начались

переговоры у русскихъ пословъ съ польскими панами. 4 февраля 1610 г. король подписалъ договоръ. Въ этомъ договорѣ говорилось прежде всего о русской вѣрѣ: что русская вѣра не будетъ ни въ чемъ нарушена, что русскихъ людей въ другую вѣру переводить не будутъ, что люди римской вѣры не станутъ нарушать русскіе церковные порядки.

Дальше говорилось о томъ, чтобы въ важныхъ дѣлахъ новый царь ничего не рѣшалъ безъ совѣта съ боярами и съ выборными людьми. Московскіе люди хотѣли, чтобы царь совѣтовался съ ними, а не съ польскими панами.

Новый царь долженъ былъ также обѣщать, что не будетъ отнимать земель ни у духовенства, ни у бояръ, ни у дворянъ, но еще будетъ прибавлять. Онъ не будетъ также позволять крестьянамъ уходить отъ помѣщиковъ, и оставитъ холоповъ въ прежнемъ положеніи, чтобы они господамъ своимъ по-прежнему служили, и вольности имъ давать не будетъ.

Когда въ Москвѣ свели съ престола царя Шуйскаго, Москвой стали править семь бояръ московскихъ. Имъ Москва цѣловала крестъ. Но сами семь бояръ рѣшили призвать того же королевича на царство. Они боялись, какъ бы Москвой не завладѣлъ тушинскій воръ со своими казаками. «Лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ отъ нихъ мучиться», — говорили московскіе бояре. Они послали въ Можайскъ за польскимъ воеводой Жолкѣвскимъ, просили его войти въ Москву, защитить ее отъ вора. Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ. 2 августа 1610 г. на Дѣвичьемъ полѣ съѣхались Жолкѣвскій и московскіе бояре—Мстиславскій, Голицынъ, Шереметевъ,—и подписали условія, на какихъ будетъ царствовать королевичъ. 27-го августа Москва присягнула Владиславу. Присягу приносили на томъ же Дѣвичьемъ полѣ. Тутъ были раскинуты шатры, и устроенъ богато-убранный налой. На другой день присягали уже въ Кремлѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ этого, подъ Смоленскъ, къ королю, было отправлено посольство изъ 1200 слишкомъ человѣкъ, извѣстить его объ избраніи и присягѣ. Во главѣ посольства поѣхали князь Голицынъ и ростовскій митрополитъ, изъ рода бояръ Романовыхъ, Филаретъ.

Жолкѣвскій дѣйствительно помогъ московскимъ людямъ: отогналъ вора отъ Москвы опять къ Калугѣ. Потомъ, 20-го сентября самъ со своими поляками вошелъ въ Кремль.

Между тѣмъ шведы завладѣли Новгородомъ и потребовали, чтобы новгородцы за всѣхъ русскихъ присягнули другому королевичу, шведскому. Новгородцамъ пришлось это сдѣлать. Объ этомъ въ Новгородѣ тоже былъ подписанъ договоръ. Шведы обѣщали, что не будутъ присоединять русскихъ земель къ Швеціи, не будутъ выводить русскихъ людей изъ русской земли въ Швецію; что всѣ русскіе люди останутся при своихъ правахъ, сохранятъ всѣ свои имѣнія, и еще большія получатъ. Шведы обѣщали также, что слуги останутся въ крѣпости у господъ, какъ было прежде, и не будутъ отъ нихъ отбывать. 11-го іюля 1611 г. русскіе подписали этотъ договоръ.

22. Поляки въ Москвѣ.

Шведы хозяйничали въ Новгородѣ. Поляки хозяйничали по всей странѣ. Польскій король распоряжался всѣмъ изъ-подъ Смоленска. Онъ раздавалъ русскимъ людямъ грамоты, земли, должности въ Московскомъ государствѣ. Московскіе люди обращались за милостями къ королю. Большіе бояре просили его, чтобы пожаловалъ ихъ за службу. Бояринъ князь Мстиславскій, первый изъ семи правителей московскихъ, принялъ отъ короля званіе конюшаго. Мать царевича Дмитрія, инокиня Марѳа, жаловалась королю, что царь Шуйскій ее ограбилъ, что она совсѣмъ обнищала, и просила ее пожаловать. Самой Москвой распоряжались люди, присланные отъ короля. Это были

польскіе паны. Жолкѣвскій уѣхалъ и увезъ съ собой бывшаго царя Шуйскаго. Управлять Москвой остался панъ Гонсѣвскій. При немъ всѣ дѣла вѣдали бывшіе тушинцы. На важную должность казначея былъ назначенъ простой торговый мужикъ, кожевникъ Ѳедька Андроновъ, какъ называли его гордые бояре. Родной отецъ этого Андронова торговалъ гдѣ-то лаптями.

Ѳедька Андроновъ скоро сдѣлался первымъ лицомъ въ Москвѣ. Семь бояръ жаловались, что съ нихъ, бояръ, вся власть снята, и на Ѳедьку все возложено. Эти люди засѣдали и въ боярской думѣ; панъ Гонсѣвскій съ ними разсматривалъ и рѣшалъ всѣ дѣла, а боярамъ и не слышно было, что они тамъ промежъ себя рѣшаютъ. Такъ жаловались московскіе бояре: «Ужъ и не было въ худыхъ худого, кто бы отъ вашего короля думнымъ не звался»,—говорили они полякамъ. Не для того присягала Москва Владиславу.

Труднѣе было королю завладѣть Смоленскомъ. 20 мѣсяцевъ стоялъ король подъ Смоленскомъ, и не могъ взять его. Наконецъ, 3-го іюня 1611 г. Смоленскъ сдался полякамъ. Главный смоленскій воевода, бояринъ Шеинъ, былъ отправленъ въ Польшу. Король уѣхалъ въ Варшаву. Туда же повезли бывшаго московскаго царя, Василія Шуйскаго, доставшагося полякамъ. 29-го октября въѣхалъ въ Варшаву панъ Жолкѣвскій, а за нимъ въ каретѣ—сверженный царь московскій съ двумя братьями. Ихъ всѣхъ представили королю. Шуйскіе низко кланялись, держа шапки въ рукахъ, и были допущены къ королевской рукѣ.

Между тѣмъ, тушинскій воръ погибъ: онъ былъ убитъ своими же людьми. Московскимъ людямъ нечего было больше его бояться. Поляки были имъ болѣе не нужны. Не нуженъ былъ имъ и королевичъ Владиславъ. Да и самъ польскій король не отпускалъ его въ Москву на царство: король самъ хотѣлъ въ Москвѣ царствовать. Но на это русскіе послы не соглашались. Они не хотѣли, чтобы король Москвѣ указывалъ. Такъ и разошлось все дѣло съ польскимъ королевичемъ.

23. Московская разруха.

Приближалась Пасха 1611 г. Москва была въ рукахъ поляковъ. Въ московскомъ Кремлѣ звучало латинское пѣніе: тутъ былъ теперь латинскій храмъ. Панъ Гонсѣвскій былъ начальникомъ Москвы. Настоящіе русскіе бояре,—Романовы, Шереметевы, князья Голицыны, Мстиславскіе,—были у него въ подчиненіи. Самъ московскій патріархъ, святѣйшій Гермогенъ, сидѣлъ въ темницѣ подъ Чудовымъ монастыремъ. При такихъ условіяхъ приходилось на этотъ разъ встрѣчать свѣтлый праздникъ.

Тѣмъ не менѣе, москвичи готовились къ празднику. Въ вербное воскресенье, по старинному обычаю, было устроено большое торжество: хожденіе на осляти. Это дѣлалось въ память входа Господня въ Іерусалимъ. Утромъ, до обѣдни, изъ Успенскаго собора вынесли большую вербу, всю увѣшанную плодами, поставили ее на сани и повезли медленно впередъ. Подъ вербой въ саняхъ ѣхали пять пѣвчихъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и пѣли священныя пѣснопѣнія. За вербой шли юноши съ зажженными свѣчами, потомъ несли иконы и хоругви. Дальше шли больше ста священниковъ и бояре. За ними на ослицѣ, съ Евангеліемъ и крестомъ въ рукахъ, ѣхалъ патріархъ. Для этого дня поляки выпустили изъ темницы Гермогена. Но въ прежнее время ослицу водилъ въ поводу самъ царь. Теперь царя въ Москвѣ не было. Ослицу велъ простой бояринъ. Народъ падалъ ницъ, разстилалъ свои одежды. Шествіе обошло Кремль, прошло по Красной площади и возвратилось снова къ Успенскому собору. Русскіе люди боялись, какъ бы на торжествѣ поляки ихъ не избили. Поляки ждали того же себѣ отъ русскихъ. Но въ этотъ день все обошлось благополучно.

Черезъ два дня, во вторникъ 19-го марта, дѣло дошло-таки до рѣзни. Въ самой Москвѣ поляки сцѣпились съ русскими людьми. Кто кого первый сталъ

бить,—поляки русскихъ, или русскіе поляковъ,—неизвѣстно.

Началось съ драки въ Китай-Городѣ. Много русскихъ погибло здѣсь, въ торговыхъ рядахъ; поляки перебили всѣхъ, кого нашли. Потомъ пошла свалка и въ Бѣломъ Городѣ. Обѣ стороны отчаянно бились. Русскіе свезли съ башенъ пушки, разставили ихъ по улицамъ и палили въ поляковъ. Улицы загораживали столами, лавками, дровами и изъ-за этого прикрытія стрѣляли. Другіе залѣзали на кровли домовъ и сыпали оттуда камнями, кольями, стрѣляли изъ самопаловъ. Стрѣляли съ заборовъ, изъ оконъ домовъ,—отовсюду. Полякамъ приходилось худо. Они нѣсколько разъ обращались притворно въ бѣгство, чтобы выманить русскихъ изъ ихъ засадъ; но русскіе шли за ними, неся на рукахъ столы и лавки, и на новомъ мѣстѣ ставили тѣ же загражденія и стрѣляли изъ-за нихъ въ поляковъ. Всего жарче борьба была на Никитской улицѣ. Здѣсь рѣзались всего сильнѣе.

Такъ защищались русскіе. Наконецъ, Бѣлый Городъ былъ очищенъ отъ поляковъ. Русскіе отбили ихъ и отъ Тверскихъ воротъ, и со Срѣтенки и прогнали назадъ, въ Китай-Городъ. Но поляки не хотѣли, чтобы Бѣлый Городъ достался русскимъ, и подожгли его. Пожаръ занялся и попалъ русскихъ изъ ихъ засадъ. Три дня горѣла Москва. Пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ днемъ. Сами поляки говорили, что Москва была тогда похожа на самый адъ.

Бѣлый Городъ и Замоскорѣчье сгорѣли до тла. Уцѣлѣли только каменныя стѣны съ башнями, почернѣвшія отъ дыма церкви съ выбитыми въ окнахъ стеклами, да печи торчали посреди угольевъ и развалинъ. Поляки бродили по этимъ зловѣщимъ развалинамъ и набирали себѣ добычу. Жемчугу они набрали столько, что заряжали имъ ружья и стрѣляли по москвичамъ.

Такъ сгорѣла половина Москвы. Русскіе люди на-

звали это событіе «Московскою разрухой» и горько оплакивали это «плѣненіе Москвы», «паденіе Россіи».

24. Первое ополченіе.

Въ то время, когда въ Москвѣ шла рѣзня, и Москва погибала въ огнѣ пожара, къ ея стѣнамъ уже подходила помощь, подходили русскіе полки, шедшіе на поляковъ. Отъ Коломны двигались къ Москвѣ полки людей служилыхъ; ихъ велъ рязанскій воевода, Прокопій Ляпуновъ. Отъ Серпухова шли бывшіе тушинскіе бояре, съ княземъ Дм. Трубецкимъ во главѣ, и казаки, служившіе прежде тому же вору; съ ними шелъ атаманъ Заруцкій.

Всѣхъ ихъ поднялъ на поляковъ патріархъ Гермогенъ своими грамотами. Онъ писалъ въ разные города, призывалъ русскихъ людей собраться и идти на поляковъ, разрѣшалъ ихъ отъ присяги, данной Владискаву. Города сами списывались другъ съ другомъ, посылали другъ къ другу своихъ ходоковъ и посыльщиковъ, посылали грамоты. Особые ходоки приходили и въ Москву къ патріарху Гермогену. Они проникали къ нему въ темницу за вѣстями и за приказами. Грамоты разсылалъ и Ляпуновъ. Онъ звалъ на общее дѣло, для борьбы съ поляками, и помѣщичьихъ крестьянъ, и холоповъ и обѣщалъ имъ за то волю и жалованье, какъ и инымъ казакамъ.

Первые отряды этого ополченія были уже подъ самой Москвой, когда дѣло дошло до рѣзни на московскихъ улицахъ. Передовые отряды, во главѣ съ воеводой княземъ Пожарскимъ, помогли москвичамъ справиться съ поляками, очистить отъ нихъ Бѣлый Городъ и вогнали поляковъ назадъ, въ Китай-Городъ. На святой недѣлѣ подошли къ Москвѣ и остальные полки. Въ ополченіи было всего до 100 тысячъ человѣкъ.

Главными воеводами были Ляпуновъ, Трубецкой и Заруцкій. Рядомъ съ ними стоялъ совѣтъ всей земли

изъ людей выборныхъ; больше всего въ совѣтѣ было людей служилыхъ и посадскихъ.

Подойдя къ Москвѣ, русскіе подошли къ Бѣлому Городу и стали отъ него къ востоку. Самъ Ляпуновъ сталъ у Яузскихъ воротъ; другіе воеводы у Покровскихъ воротъ, у Срѣтенскихъ, у Тверскихъ. Посреди полковъ служилыхъ, на Воронцовомъ полѣ, стали казаки и бывшіе тушинцы съ Трубецкимъ и Заруцкимъ.

Отсюда, изъ-подъ стѣнъ Москвы, Ляпуновъ разсылалъ во всѣ стороны новыя грамоты, звалъ русскихъ людей отовсюду къ себѣ на помощь. Онъ призывалъ ратныхъ людей на земскую службу къ Москвѣ, послужить землѣ, порадѣть Божіему и земскому дѣлу; торопилъ ихъ, чтобы шли скорѣе и не мѣшкали. Требовалъ и присылки денегъ, денежной казны, чтобы отъ скудости ратные люди изъ-подъ Москвы не разбѣжались. Чтобы поднять скорѣе всѣхъ русскихъ людей на поляковъ, Ляпуновъ описывалъ самое бѣдствіе, какое было русской землѣ отъ польскаго нашествія. «Польскіе люди,—писалъ онъ,—русскую землю выжгли и высѣкли, многіе церкви и монастыри осквернили и разорили, раки мощей разсѣкли и мощи поругали, въ церквахъ лошадей поставили». Потому и пришли русскіе люди къ Москвѣ биться съ поляками. И придя къ Москвѣ, положили общимъ совѣтомъ: «Что стоять подъ Москвой и страдать и биться до смерти за вѣру православную и за разореніе московскаго государства, сколько милосердный Богъ помощи подастъ». Такъ писалъ въ своихъ грамотахъ Ляпуновъ.

По его просьбѣ, такія же грамоты писали въ Троицкомъ монастырѣ монахи. Троицкія грамоты также разсылались по всей землѣ. Въ нихъ также описывались бѣдствія отъ поляковъ. Троицкіе монахи писали русскимъ людямъ: „Сами видите, всѣмъ намъ, христіанамъ, пришла отъ нихъ конечная погибель. Какое разореніе учинилось въ Московскомъ государствѣ! Гдѣ святыя церкви? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки, многолѣтними сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣте-

лями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ! Гдѣ народъ весь христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертями скончались! Не всѣ ли безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены были! Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не усрамились сѣдинъ старцевъ многолѣтнихъ, не сжалились надъ сосавшими молоко младенцами съ незлобивой душой; не всѣ ли испили чашу ярости и гнѣва Божія!» И монахи призывали русскихъ людей скорѣе идти на помощь, съ деньгами и людьми, «пока къ полякамъ какая помощь не пришла».

Ополченіе, стоя подъ Москвой, успѣло кое-что сдѣлать. Поляки покинули Бѣлый Городъ. Русскіе осадили ихъ въ Китай-Городѣ и Кремлѣ.

25. Ляпуновъ и казаки.

1-го апрѣля 1611 г. русскіе полки собрались у стѣнъ Москвы. Былъ уже іюнь мѣсяцъ, а очистить Москву отъ поляковъ все еще не удавалось. У самихъ русскихъ не было единства, не было мира и согласія.

Въ русскихъ полкахъ подъ Москвой шли раздоры. Здѣсь сошлись слишкомъ разные люди. Противъ польскихъ людей ополчились дворяне, посадскіе люди (купцы) и другіе. Это были все люди земскіе, зажиточные. Рядомъ съ ними ополчились разные бѣглые крестьяне и холопы, ушедшіе отъ своихъ господъ, казаки, вышедшіе изъ такихъ же бѣглыхъ.

Какъ только сошлись они подъ Москвой, такъ и началась у нихъ рознь великая; служилые люди спорили съ казаками, а о полякахъ забыли. Такъ, безъ всякаго дѣла и стояли они многіе дни. Земскіе люди жаловались, что казаки грабятъ и бьютъ по дорогамъ и по деревнямъ, разоряютъ и помѣщиковъ, и купцовъ. Противъ этого земскіе люди приняли свои мѣры. Было рѣшено, чтобы казаковъ не допускать ѣздить за припасами однихъ, а ѣхать съ ними всегда дворянамъ и слѣдить за ними, чтобы не воровали, а за всякій

грабежъ казнить ихъ смертью. Старыхъ казаковъ, которые въ казакахъ давно, взять на службу въ казенныя войска на жалованье и подчинить ихъ московскимъ порядкамъ, какъ всѣ служилые люди служатъ. Бѣглыхъ людей, крестьянъ и холоповъ, недавно убѣжавшихъ отъ своихъ господъ, вернуть назадъ къ господамъ въ крѣпость и въ холопство. Такъ рѣшили земскіе люди, помѣщики и купцы. Казаки были страшно недовольны и во всемъ винили главнаго земскаго воеводу, Прокопія Ляпунова.

Съ той поры казаки начали думать, какъ бы убить Прокопія. Скоро нашли для этого случай. Помѣщики стали исполнять новое рѣшеніе. Одинъ изъ нихъ, дворянинъ Плещеевъ, поймавъ у себя въ имѣніи, на грабежѣ, 28 казаковъ и велѣлъ ихъ утопить въ рѣкѣ. Товарищи ихъ, другіе казаки, ихъ спасли и привели въ казацкій таборъ подъ Москву. Въ таборѣ поднялся бунтъ. Казаки шумѣли на Прокопія, требовали объясненій. Въ это время стали говорить, что Прокопій кому-то писалъ письмо, обѣщалъ послѣ, какъ война кончится, истребить совсѣмъ казаковъ на Руси. Показывали самое письмо, будто бы писанное Ляпуновымъ. Это еще больше разъярило казаковъ. Послали за нимъ, чтобы звать его сейчасъ же на казацкій кругъ.

Ляпуновъ явился. Его стали спрашивать, онъ ли писалъ это письмо. Ляпуновъ отвѣчалъ, что онъ письма не писалъ. Казаки не повѣрили и бросились на него съ саблями. Одинъ изъ бывшихъ тутъ же дворянъ, Ржевскій, заступился за Ляпунова, говоря: «Прокопій не виноватъ!» Казаки бросились и на него. Оба, Ляпуновъ и Ржевскій, были въ мигъ изрублены казацкими саблями.

Этимъ дѣло не кончилось. Казаки были злы на всѣхъ земскихъ людей. Они кинулись на дворянскіе дома и разгромили ихъ. Разнесли и домъ Ляпунова. Досталось и самимъ дворянамъ. Казаки ихъ ругали, били и грабили; снова начались грабежи по селамъ и большимъ дорогамъ.

Тогда ополченіе распалось. Земскіе люди, опасаясь казаковъ, стали разъѣзжаться. Скоро подъ Москвой остались одни казацкіе таборы. Въ нихъ остались воеводами князь Трубецкой да Иванъ Заруцкій. А затѣмъ въ казацкихъ таборахъ повился новый самозванецъ. Это былъ только-что родившійся сынъ Марины.

Казаки подъ Москвой продолжали воевать. Они пустили въ Москву гранату и подожгли Китай-Городъ. Въ короткій срокъ весь Китай-Городъ выгорѣлъ, обратился въ пепелъ. Полякамъ оставался только Кремль.

Въ началѣ октября къ Москвѣ сталъ подходить новый польскій воевода, панъ Ходкевичъ, съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Но подойти къ Москвѣ ему было нелегко. Всюду кругомъ Москвы рыскали шайки русскихъ «шишей»; это были казаки и другіе люди, которые стерегли поляковъ. Они скрывались въ лѣсахъ и оврагахъ, выскакивали оттуда на коняхъ, или на лыжахъ, какъ только гдѣ показывались поляки, и осыпали ихъ ударами. Поляки не могли выйти на сборъ припасовъ,—сейчасъ же на нихъ нападали шиши, били, грабили, отнимали добычу и возы. Къ тому же стояла осень, приближалась зима, начинались холода. Поляки начинали мерзнуть. Шиши и морозы дѣлали свое дѣло.

26. Мининъ и Пожарскій.

Послѣ убійства Ляпунова русское ополченіе распалось. Подъ Москвой остались одни казаки. Они разсылали по всей землѣ свои грамоты, просили прислать имъ на подмогу новыхъ ратныхъ людей и порохъ, и деньги, и шубы—къ зимѣ, «чтобы ратные люди отъ голоду и отъ стужи не разошлись». О томъ же писали въ разные города троицкіе монахи. Они убѣждали земскихъ людей снова собраться и идти къ Москвѣ, въ союзъ къ казакамъ, забывъ всѣ бывшія неудовольствія, и, заодно съ казаками, выгнать изъ Москвы поляковъ. Казанскіе люди ссылались съ другими поволжскими городами, сговаривались за русское государство стоять,

а «казаковъ къ себѣ не пущать и казацкаго государя, если кого выберутъ одни казаки, не принимать и на царство не хотѣть».

Такія же грамоты разсылалъ и патріархъ Гермогенъ. Онъ писалъ въ города, чтобы казакамъ не давали грабить и казацкаго новаго самозванца, маринкина сына, воренка, не признавали, и на царство бы его не сажали.

Грамота Гермогена пришла и въ Нижній. Въ земской избѣ,—по теперешнему, въ городской думѣ,—собрались городскіе люди—купцы и ремесленники, и стали читать эту грамоту. Земскій староста Козьма Мининъ говорилъ рѣчь. Мининъ былъ богатый мясной торговецъ, «говядарь», какъ тогда говорили. Онъ не былъ ученъ, не зналъ даже грамотѣ. Но онъ первый въ Нижнемъ сталъ призывать всѣхъ подняться на общаго врага. Вся изба зашумѣла, и былъ написанъ земскій приговоръ: «стоять за истину всѣмъ безъ измѣны, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ. На жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ, отдавать всякое имущество; если понадобится, то и женъ и дѣтей своихъ продавать и закладывать, а ратнымъ людямъ деньги давать, чтобы имъ скудости не было». Этотъ приговоръ былъ тотчасъ же подписанъ всѣми. Назначили тутъ же и денежный сборъ на людей ратныхъ. Дѣло это поручили Минину. Мининъ первый пожертвовалъ на ратныхъ. За нимъ и прочіе купцы приносили казну многую.

Послѣ этого въ Нижній прибыла другая грамота отъ троицкихъ монаховъ. Эту грамоту прочли на другомъ собраніи, на воеводскомъ дворѣ, всѣмъ властямъ и служилымъ людямъ. На утро собрали весь народъ въ соборъ; прочли опять троицкую грамоту. Потомъ говорили рѣчи соборный протопопъ Савва и за нимъ Мининъ. Было рѣшено идти помогать Москвѣ, очищать ее отъ поляковъ и отъ казаковъ.

Такъ начало слагаться второе ополченіе. Торговые

и ремесленные люди начали дѣло, военные присоединились. Теперь все у нихъ дѣлалось сообща. Сообща назначались денежные сборы, производились займы. Сообща посылались послы съ грамотами въ другіе города побуждать ихъ къ общему дѣлу. Воеводой былъ выбранъ князь Пожарскій. Онъ лѣчился тогда отъ раны въ своемъ имѣніи, но принялъ избраніе и пріѣхалъ въ Нижній. Сборщикомъ и хранителемъ казны въ ополченіи былъ тотъ же Мининъ. Онъ очень ревностно принялся за дѣло, принуждалъ къ платежамъ, готовилъ все нужное къ походу. Денегъ было собрано много, можно было хорошо устроить все.

Это ополченіе составилось изъ дворянъ и городскихъ людей. И во главѣ его стояли два лица,—служилый человѣкъ Пожарскій и посадскій человѣкъ—Мининъ.

27. Война съ казаками.

Второе ополченіе возникло на Волгѣ. Къ Нижнему пристали поволжскіе города, а потомъ и другіе. Отовсюду подходили новые полки. Съ этими полками Пожарскій выступилъ изъ Нижняго и въ началѣ апрѣля 1612 г. прибылъ въ Ярославль. Съ пути онъ разсылалъ грамоты, призывалъ земскихъ людей соединиться и стоять противъ поляковъ и казаковъ. О казакахъ онъ писалъ, что эти казаки всегда только зло заводятъ, что обычаи ихъ всѣ—воровскіе, и теперь они много городовъ, селъ и волостей себѣ забрали и земскихъ людей хотятъ побить, и животы ихъ хотятъ разграбить, и сами хотятъ всѣмъ владѣть по своему казацкому воровскому обычаю. Такъ поднималъ Пожарскій земскихъ людей на казаковъ.

Казаки хотѣли было помѣшать Пожарскому, преградить ему дорогу къ Москвѣ. Они двинулись къ Ярославлю. Но Пожарскій отбилъ ихъ и самъ занялъ Ярославль. Сюда онъ вызвалъ изъ всѣхъ городовъ выборныхъ людей и изъ нихъ составилъ земскій

совѣтъ, въ родѣ земскаго собора. Этотъ совѣтъ и воевода князь Пожарскій были теперь главными правителями всей земли. Казаковъ въ совѣтѣ не было.

Четыре мѣсяца простоялъ Пожарскій въ Ярославлѣ, устраивая свои полки, воюя съ казаками. Отряды второго ополченія расходились во всѣ стороны, всюду побивали казаковъ. Потомъ, наконецъ, Пожарскій, пошелъ къ Москвѣ. Услыхавъ объ этомъ, Заруцкій съ казаками побѣжалъ на югъ. Когда его полки подошли къ столицѣ, Заруцкій со своими казаками былъ уже далеко. Подъ Москвой осталась только малая часть казаковъ, съ княземъ Трубецкимъ во главѣ. Тутъ было ихъ всего тысячъ пять.

Когда Пожарскій подошелъ къ Москвѣ, Трубецкой звалъ его стать вмѣстѣ съ казаками, звалъ въ свои таборы. Пожарскій гордо отвѣчалъ: «Отнюдь, не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками! Намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать». Земскіе полки стали отдѣльно, особымъ станомъ. Казаки Трубецкого стояли отъ Бѣлаго Города къ востоку. Полки Пожарскаго стали къ западу, у воротъ Петровскихъ, Тверскихъ, Арбатскихъ. Такова была рознь обѣихъ ратей: онѣ даже стоять вмѣстѣ не могли.

Эта рознь была всѣмъ видна и замѣтна. Всѣ видѣли, какое было несогласіе между дворянскимъ и казацкимъ войскомъ. Была между ними зависть и вражда великая, и едва не доходило до кровопролитія. Казацкіе и дворянскіе полки не хотѣли помогать другъ другу и въ бой выходили врозь; казаки сами по себѣ, и дворяне сами по себѣ. Троицкіе монахи старались согласить и примирить ихъ, но это имъ плохо удавалось.

18-го августа 1612 г. подошелъ Пожарскій къ Москвѣ. Едва успѣлъ устроить свои полки, какъ черезъ три дня, 21-го числа, къ Москвѣ явился новый польскій воевода, панъ Ходкевичъ, съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ и съ припасами для поляковъ. Надо было не пропустить его въ Москву.

Обѣ рати—земская и казацкая—приготовились дать ему отпоръ. Казаки перешли въ Замоскворѣчье и ждали Ходкевича у Крымскаго брода. Пожарскій со своими полками отошелъ отъ Арбатскихъ воротъ къ Чертольскимъ и сталъ на Дѣвичьемъ полѣ. Здѣсь встрѣтились русскіе съ поляками, и произошла первая битва. Польскій натискъ въ первый день былъ отбитъ. Ходкевичъ отошелъ назадъ къ Поклонной горѣ. Но казаки Трубецкого не участвовали въ битвѣ. Они только смотрѣли, какъ дерутся русскіе съ поляками, и говорили: «Богаты пришли изъ Ярославля! Отсидятся отъ поляковъ и сами».

Черезъ день борьба возобновилась. Теперь Ходкевичъ пошелъ къ Кремлю другимъ путемъ, черезъ Замоскворѣчье. Пожарскій переправился ему навстрѣчу на тотъ берегъ рѣки, но поляки смяли его полки; Пожарскій послалъ за подмогой къ Трубецкому, но казаки не хотѣли помогать. Тогда поѣхалъ къ казакамъ троицкій келарь Авраамій Палицынъ, уговаривалъ ихъ помочь Пожарскому; Палицынъ обѣщалъ казакамъ въ награду всю казну Троицкаго монастыря. Казаки, наконецъ, согласились и бросились на поляковъ. Съ другой стороны ударилъ на поляковъ самъ Мининъ, съ тремя сотнями дворянъ. Общими силами Ходкевича удалось отбить. Польскій воевода побѣжалъ отъ Москвы прочь, сперва къ Воробьевымъ горамъ, а потомъ къ Можайску, и больше къ Москвѣ не возвращался. Запертые въ Москвѣ поляки не получили ни подкрѣпленія, ни припасовъ.

Только послѣ этой битвы казаки съ земскими людьми соединились. Оба воеводы, Трубецкой и Пожарскій, стали теперь дѣйствовать сообща. Такъ, у кремлевскихъ стѣнъ кончилась война съ казаками, начатая годъ тому назадъ.

28. Очищеніе Москвы отъ поляковъ.

Ходкевичъ ушелъ, но въ Москвѣ сидѣли еще поляки. Надо было очистить отъ нихъ Москву. Два мѣсяца длилась еще борьба. Осажденные въ Кремлѣ поляки не сдавались. Но они уже съ трудомъ держались. У нихъ не было больше припасовъ. Въ Кремлѣ начался голодъ.

Сами поляки съ ужасомъ разсказывали,—какъ имъ жилось въ Кремлѣ въ это время. «Писать трудно, что дѣлалось. Мы переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу отъ обуви; и этого не стало. Грызли землю, въ бѣшенствѣ объѣдали себѣ руки, выкапывали изъ могилъ гніющіе трупы; было съѣдено до 800 труповъ. Отъ этого болѣзни и смерти только умножились». Люди обратились въ людоѣдовъ. Съѣдали другъ друга по очереди, по порядку. Въ одномъ полку солдаты съѣли своего умершаго товарища. Родные этого съѣденнаго явились съ жалобой, зачѣмъ умершаго съѣли его товарищи, а не отдали на съѣдѣніе роднымъ: они больше имѣли права. Начальникъ, къ которому обѣ стороны пришли судиться, убѣжалъ отъ нихъ подальше, чтобы они и его не съѣли. Сперва ѣли умершихъ, потомъ стали бросаться и на живыхъ. Господинъ съѣдалъ своего слугу, слуга ѣлъ своего господина. Таково было положеніе поляковъ въ Кремлѣ.

Такъ долго тянуться не могло. 22 октября казаки Трубецкого полѣзли на стѣны. Голодные поляки не могли защищаться, и ушли въ Кремль; Китай-Городъ былъ очищенъ отъ поляковъ. Первое, что увидѣли русскіе, войдя въ Китай-Городъ, были чаны съ человѣческимъ мясомъ.

Послѣ этого, русскіе полки подошли къ стѣнамъ самого Кремля. Вдругъ кремлевскія ворота отворились, и выпустили цѣлую толпу голодныхъ женщинъ и дѣтей. Это были жены и дѣти московскихъ бояръ. Поляки вывели ихъ изъ Кремля, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ.

Черезъ два дня сдался и самый Кремль. Пожарскій обѣщалъ, что полякамъ будетъ сохранена жизнь. Поляки просили, чтобы ихъ принялъ въ свои полки Пожарскій и не отдавалъ казакамъ: такъ боялись они казаковъ. Пожарскій обѣщалъ и это. 24 октября отворились Троицкія ворота Кремля (на Неглинной), и изъ нихъ вышли прежде всего московскіе бояре, Мстиславскій и другіе. Казаки хотѣли ихъ побить, какъ измѣнниковъ, и животы ихъ подѣлить въ войскѣ. Но Пожарскій поставилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился защищать ихъ. Русскіе стояли на мосту и ждали, что казаки кинутся на земскихъ людей. Но дѣло обошлось мирно. Казаки не стали отбивать силой. Затѣмъ вышли изъ Кремля и поляки. Пожарскій не далъ и ихъ въ обиду. Только одинъ отрядъ поляковъ попалъ въ руки казаковъ и былъ изрубленъ.

Кремль былъ очищенъ отъ поляковъ. Русскіе полки торжественно вступили въ Кремль. Король польскій, взявъ Смоленскъ, шелъ было къ Москвѣ. Узнавъ, что поляки въ Москвѣ сдались, онъ повернулъ обратно и ушелъ къ себѣ.

Минину и Пожарскому въ Москвѣ, на Красной площади поставленъ памятникъ. На немъ сдѣлана надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому—благодарная Россія».

Избраніе новаго царя.

Послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ, оставалось избрать царя.

Пожарскій разсылалъ грамоты, приглашалъ выбирать людей и посылать ихъ въ Москву для государева избранія, чтобы руссимъ людямъ не остаться безъ цяря. „Сами, господа, все вѣдаете; какъ намъ нынѣ безъ государя противъ общихъ враговъ стоять!“. Такъ писалъ пожарскій.

Къ январю 1613 г. въ Москву съѣхались выборные

люди изъ 50 городовъ. На соборѣ прежде всего рѣшили: не выбирать никого изъ иноземцевъ, ни польскаго королевича, ни шведскаго, а выбрать русскаго, изъ великихъ московскихъ родовъ. Но кого именно, изъ какого рода избрать—объ этомъ мнѣнія разошлись. Большая часть выборныхъ, однако, стояла за одного изъ молодыхъ бояръ, за сына митрополита Филарета, Михаила Ѳеодоровича Романова. Михаилу Ѳеодоровичу было всего 16 лѣтъ, и онъ не былъ еще грамотенъ. Но бояре надѣялись, что такого царя имъ легче будетъ забрать въ руки. Дворяне помнили, что Романовы были сильны при Грозномъ, что первая жена царя Ивана, Анастасія, была изъ этого рода. За Романова подали голосъ и казаки. 7 февраля соборъ постановилъ выбрать Михаила. Но окончательное избраніе отложили на 2 недѣли и послали выборныхъ людей по городамъ узнать, что тамъ думаютъ объ избраніи Михаила. Посланные вернулись съ отвѣтомъ, что вездѣ хотятъ его видѣть царемъ. Тогда, 21 февраля, собрали соборъ на Красной площади и объявили Михаила царемъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ находился тогда въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Тамъ жилъ онъ со своею матерью, инокиней Марѳой.

Съ собора снарядили въ Кострому посольство объявить объ избраніи. Въ послахъ поѣхали бояре и духовные, въ томъ числѣ Авраамій Палицынъ. Послы, прибывъ въ Ипатьевскій монастырь, просили Михаила принять избраніе. Они молили его, чтобы онъ «надъ остаткомъ рода христіанскаго умилился, собралъ воедино русское царство, расхищенное врагами. А какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь, то, прослыша про твой приходъ, всѣ недруги будутъ въ страхѣ, а московскіе люди обрадуются».

И самъ Михаилъ, и его мать долго отказывались принимать избраніе. Они говорили посламъ: «Московское государство разорено до конца. Поляки вывезли царскія сокровища. Служилые люди бѣдны. Чѣмъ ихъ

миловать, чѣмъ полнить государеву казну? Чѣмъ стоять противъ недруговъ? Къ тому же московскіе люди за время смуты привыкли не слушаться государей и даже свергать ихъ. Такъ они погубили Ѳедора Годунова, Разстригу, Шуйскаго. Какъ бы не сдѣлали того же и съ новымъ царемъ!» Но послы говорили, что если Михаилъ откажется, то вся страна придетъ въ разореніе, святыя церкви будутъ въ поруганіи, и все это взыщется на Михаилѣ и на его матери. Тогда, наконецъ, инокиня Марѳа согласилась, и благословила сына на царство. Это было 14 марта 1613 г.

2 мая новый царь въѣхалъ въ свою столицу. Надо было приводить страну въ порядокъ. Надо было добиться, чтобы оба королевича, и польскій, и шведскій, признали Михаила царемъ и отказались сами отъ московскаго престола и отъ взятыхъ ими русскихъ городовъ. Надо было снова устраивать войско, а для этого наполнять казну, добывать денегъ. Все это было не легко. Но у юнаго царя были помощники. Рядомъ съ нимъ стоялъ московскій патріархъ; это мѣсто скоро занялъ его отецъ, Филаретъ. Кромѣ патріарха, царь могъ совѣтоваться съ земскимъ соборомъ, съ выборными отъ всей земли. Онъ дѣйствительно постоянно совѣтовался съ ними, и 12 разъ созывалъ земскіе соборы. Но на соборахъ не было простыхъ людей; тамъ были больше всего дворяне и посадскіе—помѣщики и купцы.

Гос. Институт. Научн. Инф.
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Царь Иванъ IV	3
2. Царь Ѳедоръ Ивановичъ	5
3. Убіеніе царевича Дмитрія	7
4. Избраніе Бориса Годунова	9
5. Царь Борисъ	11
6. Южная Украйна	13
7. Появленіе самозванца	15
8. Грамоты Бориса и Лжедмитрія	17
9. Походъ Лжедмитрія	19
10. Конецъ Годуновыхъ	21
11. Царь Дмитрій	23
12. Конецъ Лжедмитрія	25
13. Воцареніе Василія Шуйскаго	27
14. Болотниковъ	28
15. Тушино	31
16. Троицкая осада	34
17. Господство тушинцевъ	35
18. Побѣды Скопина	36
19. Вмѣшательство шведовъ и поляковъ	38
20. Конецъ Шуйскаго	40
21. Польскій и шведскій королевичи	42
22. Поляки въ Москвѣ	44
23. Московская разруха	46
24. Первое ополченіе	48
25. Ляпуновъ и казаки	50
26. Мининъ и Пожарскій	52
27. Война съ казаками	54
28. Очищеніе Москвы отъ поляковъ	57
29. Избраніе Михаила Ѳедоровича	58

Имѣются въ продажѣ:

ИЗДАНІЯ

Московскаго КОМИТЕТА Грамотности и Московскаго ОБЩЕСТВА Грамотности.

А. С. Пушкинъ. Капитанская дочка. Ц. 10 к.
Его же. Полтава. Ц. 8 к.
Л. Н. Толстой. Кавказскій плѣнникъ. Ц. 10 к.
И. А. Крыловъ. Избранныя басни для школъ и народа. Ц. 8 к.
Л. И. Е. Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Ц. 6 к.

Пѣсни Тараса Шевченко. Подъ редакціей В. В. Вересаева и съ біографич. очеркомъ И. А. Бѣлоусова. Ц. 6. к.
Вопросы всеобщаго обученія. Доклады на Общихъ Собраніяхъ М. О. Г. въ 1909—1910 гг. Ц. 40 к.
А. А. Титовъ. Счастливые острова. Новая Зеландія. Ц. 10 к.
Волгинъ. Судьбы англійскаго крестьянства. Ц. 15 к.

Коваленскій. Смутное время. Ц. 12 к.

Складъ изданій у Т-ва И. Д. Сытина.

Адресъ издательской комиссіи **Московскаго Общества Грамотности:** Москва, Гранатный пер., д. 3., кв. 2, Телеф. 31-08; Секретаря Общества: Гранатный пер., д. 2, кв. 9. Телеф. 58-75.